

18+

Павел Годун

Обезличенная Жизнь

Павел Годун

Обезличенная жизнь

«Издательские решения»

Годун П.

Обезличенная жизнь / П. Годун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981848-5

Жизнь — удивительная, увлекательная и подчас опасная игра. Непрерывный поток её событий и обстоятельств увлекает нас и постоянно ставит перед выбором — как поступить. Человек и судьба её участники, но кто стоит за человеком, а кто за судьбой, кто из них выходит победителем, если игра всегда заканчивается смертью? Страницы этой книги приглашают вас к участию в мистическом приключении, чтобы ответить на вопрос: кем же является человек, т.е. каждый из нас, в действительности?

ISBN 978-5-44-981848-5

© Годун П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Цивилизация	8
Знаки, образы и символы	15
Глава 2	37
Клетка	37
Явь или сон, сон или явь	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Обезличенная жизнь

Павел Годун

© Павел Годун, 2020

ISBN 978-5-4498-1848-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Gnothi se auton»¹.

Надпись в храме Аполлона в Дельфах

Как вы относитесь к тому, что у вас есть имя? Оно ведь обязательно есть у каждого и, более того, не только у человека, но и у всего, что окружает нас. Человек в этом смысле не исключение. Каждая вещь, явление, объект имеет свою форму, качество, функцию и имя. Причём имя – главное из них. Оно уже дано нам с рождения, и мы живём с этим именем, а также в кругу других имён, порой странных и замысловатых, иногда нелепых, и даже не задумываемся о том, что оно могло бы быть другим. Некоторые сведущие люди утверждают, что ваша жизнь при этом пошла бы совершенно иным путём. Вот представьте: вас зовут, например, Сергей, и вы имеете вполне себе размеренную жизнь крепкого середнячка. Но вдруг выясняется, что на самом деле, по какой-то ужасной ошибке, вы Виктор и должны быть гораздо более богатым или, наоборот, бедным. Как изменилась бы при этом ваша настоящая жизнь? Многие, наверное, призадумались бы, а при возможности воспользовались случаем изменить себе, настоящему.

А если ещё усложнить постановку вопроса и, скажем, предположить, что имени вообще нет. «Но этого не может быть, – скажете вы. – Человек без имени – это невозможно. Его индивидуальность пропадает, личность теряет свой статус, и судьба становится непредсказуемой». Так ли это? Но ведь было время – наше далёкое прошлое, когда у людей действительно не было имён, как утверждают историки, только клички или прозвища. «Катастрофа, – предположим мы, – как же жили люди той эпохи?» Или, например, поставим вопрос иначе: есть ли судьба у отдельной страны? Она, как мы понимаем, это совокупность нас, и у неё тоже есть имя? «Ну, конечно, – ответит вам любой астролог, – все страны индивидуальны и живут своей удивительной, не похожей на другие страны жизнью». Представьте, просыпаемся мы утром, а наша любимая Россия стала теперь Великобританией. Как вам такое перевоплощение, и значит ли это, что мы все стали заносчивыми и чопорными англичанами? Какова была бы наша новая жизнь, поменялось бы что-нибудь?

Но и это ещё не всё. Если следовать той же логике, то и мы, люди Земли, тоже имеем своё вселенское имя – Человек. Когда-нибудь мы обязательно встретим инопланетную жизнь и первое, что сделаем, так это представимся, назовемся своим общим именем. «Я – Человек», – ответите вы гордо на вопрос «Кто ты?» И вас обязательно при этом спросят: «Что же это значит – Человек?» Кто это или что это значит во вселенском масштабе? Есть ли у него своя, отличительная от всех других форм жизни, судьба? Конечно же, есть! Наша общая история, которую мы пытаемся постичь, и есть наша общая судьба. Мы живём со всем человечеством одной, пока ещё загадочной для нас самих судьбой. Представьте только, насколько это красиво и ответственно...

Интересно и то, что имя каждого из нас как раз и является удостоверением сопричастности к этой загадке.

Каждый день мы выходим из дома и встречаем на своём пути множество людей – имён. Мы, конечно же, их не знаем, да и не стремимся знать, но при этом хорошо понимаем нашу человеческую общность. Часто за своим именем, своей индивидуализацией мы забываем именно о самом главном – своей человеческой сущности, и лишь литература возвращает нас в реальность, открывая глубины человеческой природы. Пока она не будет окончательно познана, роман будет иметь продолжение. Насколько важно для нас имя друга, брата

¹ Познай самого себя (греч.)

или сестры, мужа или жены, или всех тех, с кем мы имеем дело постоянно? Кто они для нас – имя или то, что они являют нам через свои мысли, слова и поступки?

Наши любимые романы тоже полны персонажей со своими, иногда причудливыми, именами. Такими их увидел автор, так он пытался выделить их внутренний мир, их черты мы угадываем и в самих себе. Поступим иначе – обезличим наших персонажей и посмотрим, насколько важны имена. К тому же это позволит избежать случаев возможных совпадений, которые могли бы обидеть наиболее восприимчивых читателей. Не ищите в этом особого контекста, при желании вы можете расставить имена самостоятельно. Следуйте лишь простому правилу: где прочтете «он», – это и есть имя, какое вам понравится, но на самом деле имени нет, ибо вряд ли кто-то найдет Его в своем окружении, чтобы дать конкретное имя. То же самое и «она». Все остальные персонажи предстают перед нами и поныне на страницах любимых книг. Они всегда здесь, рядом, на улицах, в кафе, в офисах и многочисленных неприметных квартирах. Они многоликие и многоимённые, но, несмотря на это, чаще всего мы их вообще не замечаем. Тот, кто невидим, не имеет имени.

Они заполняют наше пространство своими просьбами, обидами, гневом, жадностью и завистью, идут рядом с нами по жизни сквозь время. Для них вообще не существует времени. Что для них пространство и время – так, пустяк, всего лишь придуманные учёными теории. Они способны проникнуть во всякое время и в любое место, потому что нам кажется, что их нет, – и всё. Но и им тоже всё равно: как в прошлом, так и в настоящем они есть, и они продолжают своё дело, потому что без них не будет того же самого будущего, как и прошлого, с его вечным колесом сансары. Потому что всё, что было, то и должно быть, и что творилось, то и будет твориться...

Глава 1

Цивилизация

*Хоть сколько не гляди на человека,
А всё одно – от века и до века.
Желанием Душа его полна,
За то судьба и тешится сполна.*

Автор

Солнце своими первыми лучами будило жизнь в этом южном городе – перекрёстке древних миров и колыбели новой цивилизации, стремившейся как можно скорее распространить своё влияние на ближайших соседей. Не по годам мудрая, цивилизация скоро уверует в свою исключительность и, полагаясь на человеческую добродетель, будет спешить делиться знаниями, посылая свои корабли всё дальше и дальше, вслед за светилом. На этом пути её люди, несущие благую весть о природе человека, непременно сделают остановку там, где потоки вод уже глубоко изрезали Лаций, легко разрушая пористый туф, и образовали семь холмов, на которых построены уже стены нового града. Встретят они там своего преемника и соперника, имя которого останется в веках как Вечный город. Его жители, к сожалению, мало чему научатся, или, может быть, всё перепутают, неверно переводя привезённые им знания на свой пергамент. Они поймут лишь одного из добрых пилигримов, который скажет однажды, что война нужна для того, чтобы потом наступил мир. Все они, как один, решат по-своему, что сущность человека – мужественно переносить все превратности судьбы, и перекуют свои орала на мечи. Затем они, решительно ступая в западном направлении, будут нести благо цивилизации, покоряя незрелые умы диких варваров, пока не остановятся на берегу океана, провожая глазами отраженный в его водах багровый румянец заката. Так предвещали будущее этому знаменитому городу оракулы, точно следуя велениям богов.

Но этому ещё только предстоит случиться, а пока, здесь и сейчас, свет первых лучей будил неповторимые краски природы, а заодно и открывал взору величественную архитектуру общественных зданий и храмов. Всё здесь говорило о каком-то необычайном, загадочном, наполненном мифами и почти сказочном прошлом. Оно на каждом шагу напоминало о себе, и современник вынужден был незримо погружать себя в мир прославленных предков. Казалось, будто сам героический гомеровский эпос могучей рукой Геракла старался удерживать совершенные формы общественных строений, стремящихся к разрушению, от неумолимого движения времени. Но, действуя губительно на архаичный камень, оно всё-таки больше жаждало человеческой плоти.

Странным образом эта невидимая сила влияла на повседневную жизнь горожан. Осталось позади их героическое прошлое. Страсть к военным походам, так свойственная молодости, с возрастом сменилась естественным желанием предаться благам природы, щедро дающей им свои дары. Былые воины теперь постигали науку заключения выгодной торговой сделки. Вот уже и устремлённые ввысь многочисленные колоннады храмов, украшенные раскрытыми чашами из листьев аканта и экзотическими цветами, перестали волновать их сердца, и только новые пришельцы да приезжие заморские гости могли ещё выражать своё неподдельное восхищение, любясь их изяществом.

Каждое новое утро заполняло дома обывателей, населявших город, своей привычной суетой, хлопотливой подготовкой всего необходимого для удачной торговли и опустошения набитых кошельков приезжих купцов. А хозяева кошельков уже давно перестали обращать внима-

ние на утренний свет и ценить его. Теперь он служил лишь сигналом к началу торговых сделок, которые давали им возможность хорошо жить. Труд в поле, в саду, в мастерской или просто созерцание окружающего мира уже не приносили в их жизнь удовлетворения. Того, что могло раньше радовать глаз, теперь не существовало, казалось, и днём все это было спрятано, как ночью. Бич рассвета подгонял каждого к своему рабочему месту. Даже за подаванием можно было не успеть, замешкавшись по дороге. Постепенно улицы наполнялись шумом тяжёлых повозок, голосами зазывал и глухим перезвоном инструментов многочисленных ремесленных мастерских. Медленно раскручиваясь, маховик городской жизни к полудню набирал свои максимальные обороты.

Здесь все давно перемешались: торговцы, путешественники, крестьяне, мастеровые, рыбаки, военные, зеваки, мудрецы. И даже боги тоже спустились к людям, чтобы пропасть в этом хаосе. Но ещё одна обязанность лежала на всех гражданах города – соблюдение традиций, доставшихся им в наследство от предков. Периодически они вынуждены были сообщать решать накопившиеся вопросы управления, установления новых законов и выносить решения суда. На этом долгое время держалось всё могущество и совершенство города, никто не имел права избегать возложенной на него ответственности. В назначенный вечер агор (площадь городской торговли) становился местом народного собрания, где в спорах и кипении страстей рождались изменения в организации общественной жизни. Город тем временем разрастался, и всё теснее становилось на этой площади, а может, даже и не в этом было дело, просто многим горожанам хотелось быстрее покончить с потоком бесконечных проблем и вернуться домой после тяжёлого трудового дня. Там наверняка ждали готовый ужин, дети и жена, которая непременно пожурит мужа за никчёмную задержку, а перед сном они вместе, звеня монетами, не спеша подсчитают свой наторгованный доход.

И вот однажды явился на агор Некто, неся людям зачатки нового мышления, и сказал им, что он может избавить их от лишних мучений в управлении городом взамен на чистую безделицу – десятину от их доходов. Люди задумались и как истинные коммерсанты начали торговаться – ведь и он им должен за это что-нибудь. Тот самый Некто, выслушав их разногласье, расчувствовавшись и пустив слезу, ответил просто:

– Люди добрые, достойные своих богов, верьте в меня и в моё честное слово! – замолкли они, переглянувшись:

– А ведь и вправду, нет среди нас нечестивцев, каждый достоин, почему бы и нет! – и поверили.

– И то верно, – сказали они, – разве вера людская имеет ценность? Вера, она же от добра исходит – нет ей цены в деньгах. – Так и решили. Только не знали они, что тот, кто не хочет отстаивать свое право, лишится его.

Так появились у обывателей города свободные вечера, когда они испытывали большее удовольствие, пересчитывая свои золотые, серебряные и медные монеты, накапливая в своих домах добро, и люди перестали вспоминать о том, что было прежде и кто они есть на самом деле.

Постепенно и храмы всё больше начали тяготить их своими ритуалами и традициями. Лишь необходимость просить у богов хороших урожаев, приплода скота, удачной торговли, здоровья домочадцев, уничтожения врагов, красивой любовницы или молодого любовника вынуждала людей посещать храмы и делать подношения. Жрецы, в свою очередь, всё больше превращались в прорицателей, блюстителей нравов и хозяйственных администраторов. Вскоре никто и не заметил, как святые таинства сменились вакхическими мистериями с фанатичным почитанием Бахуса. Неистовство в молитвах богам разрешалось наряду с неистовством вакхического восторга в песнопениях и пронизанных эйфорией танцах. Тех, кто должен был быть истолкователем и посредником между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям – наказания богов и вознаграждения за жертвы, заменили всякого рода «муд-

рецы». Новые гении слова с готовностью брали на себя обязанности всяких прорицаний, жреческого искусства и вообще всего, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству. Боги устали от однообразных меркантильных запросов к ним и скудости даров своих почитателей и, в конце концов, покинули свои прежние обиталища. Люди давно уже свыклись со своими простыми земными потребностями, которые были незамысловаты, но вместе с тем удобны и практичны. Всё, что надо было человеку для жизни, в большей или меньшей степени, находилось тут же, рядом с ним, это и было предметом его радости. Сыт человек – и уже хорошо. Нашёл счастье в плотской любви, так это просто удача. А главное, чтобы не было войны, и тогда первых двух потребностей вполне достаточно. Тем и довольствовались люди в последнее время, тем и гордились, как высшим достижением своей цивилизации....

Жил, однако, среди них один чужак, которому совершенно не было нужно того, к чему стремилось большинство. Никто уже не помнил, откуда и когда он появился. Просто однажды он прикатил на окраину городского рынка огромную бочку и поселился в ней, как в доме. А вскоре и вовсе стал своим, и постепенно превратился в очередную достопримечательность города. Вечно грязный, в лохмотьях, он слонялся по городу с утра до вечера, разговаривал с людьми и спрашивал их о чем-то, но его никто не понимал.

– Постой! – хватал он за руку прохожего. – Хочешь ли ты знать....

– Отстань от меня, – отвечал тот, – твои пустые речи не наполнят мой кошелек. Что проку от твоих речей. – И торопился удалиться по своим неотложным на этот день делам.

– Зачем же ты живёшь, если не заботишься, чтобы хорошо жить? – говорил он отмахнувшись от него, словно от назойливой мухи, очередному встречному.

«Кто они такие, – думал он, – чего хотят и для чего живут? Неужели то, чем они живут, это всё, что им нужно? Может быть, они просто не понимают, кто они такие, не знают, что есть нечто большее и более достойное их самих».

Он шёл к ним и говорил, говорил, говорил... Его замысловатые речи возбуждали прохожих, озадачивали простотой суждений, но и заводили в тупик.

– Да ну тебя, – чаще всего был их ответ, – делать тебе нечего, что ли? От твоих слов точно нет никакого блага.

– Постойте, – кричал он им вслед, – о каком благе вы говорите? Ведь истинное благо не в вещах! – но каждый продолжал дальше следовать своим путём...

Тем утром знакомый луч солнца, проникнув сквозь щель в разошедшейся бочке, ласково трепал его свободную от зарослей волос щёку. Наступал новый день, а значит, его ждали новые встречи и, возможно, одна из них будет неповторимой или судьбоносной. Непременно это должно было случиться. Не может же быть, чтобы он так и не встретил Его, он верил, что это непременно случится. Нет... он это знал – они рано или поздно встретятся.

Новое утро явно было необычным. Станный сон, обрывки которого он пытался соединить, были тому подтверждением. Он сел и попытался его вспомнить.

– Точно, я видел Его, – пробормотал он, – это был тот, кого я ищу. Что же Он мне сказал? Да, да! Он точно дал мне понять, что Он уже здесь!

С этой мыслью он схватил стоявший рядом ночной фонарь, зажёл его и вылез из бочки. Он выпрямился во весь рост, хрустнув застоявшимися за ночь суставами и, более не задумываясь, держа в руке фонарь, быстрым шагом направился на заполнявшийся людьми рынок.

– Верно!.. Он должен будет сюда прийти! Ведь не будет же Он прятаться от людей в каком-нибудь пустынном месте? – пытался убедить он сам себя.

Уверенным шагом он шёл сквозь толпу, светя путеводным фонарём. Люди расступались перед ним, пропуская в самую её гущу, но несколько человек окружили его, не понимая его поступка и говоря меж собой:

– Что же опять затеял этот чужак?

– Эй, «мудрец»! – слышалось их громкое разноголосье, – что случилось? Не перепутал ли ты ночь с днём? Может быть, тебе нужна помощь? – Некоторые просто указывали на него пальцем и переговаривались между собой.

– Друзья мои, – отвечал он, – не называйте меня мудрецом, ибо я не таков. Тот, кто мудр, к мудрости не стремится. Только боги могут быть мудры, но, как видите, я не бог.

– Значит, ты выживший из ума невежда, коль скоро ходишь среди бела дня с фонарём, – рассмеялись они.

– Нет, я просто люблю всё прекрасное, то есть являюсь любителем мудрости. Я философ, а философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой. Невежды не занимаются философией и не желают стать мудрыми. Сколько времени я провёл уже с вами, но здравомыслие, видимо, не свойственно вашей натуре. Невежество скверно тем, что человек и не прекрасный, и не совершенный, и не умный вполне доволен собой. А кто не считает, что в чём-то нуждается, тот и не желает того, в чём, по его мнению, не испытывает нужды. Вас уносит поток собственных желаний, и он слишком силён, чтобы я мог его остановить или подать вам руку помощи.

Но не поняли его слова люди, да и не пытались понять. Они нашли в его поступке и речи своё очередное развлечение и не преминули воспользоваться ситуацией.

– Ха-ха-ха! – они весело рассмеялись ему в лицо, – слова твои так же ярко освещают наши умы, как освещает твой путь зажжённый фонарь в разгар дня.

– Свет моего пути не во мраке ночи, и мне нет нужды идти по нему наощупь, но иногда не хватает его, чтобы не пройти мимо истины...

– Тогда с чем же ты пришёл сюда в этот раз? – недоумевали они. – Нам совершенно непонятен твой поступок! Что за загадку ты придумал на этот раз?

– Да нет тут никакой загадки. Просто я ищу Человека.

Вокруг собралась ещё большая толпа зевак, и теперь они все вместе разразились раскатистым хохотом.

– Ну, ты даёшь, философ, – смеялись они над ним с полным превосходством, уверенные, что оппонент явно не в себе, или он попал во власть чар самого забавного Сатира.

– Посмотри, сколько вокруг тебя людей, чего же тебе надо?

– Да... Верно вы говорите... Людей действительно много. Но Человека-то нет!

* * *

Вероятно, именно так должен был начинаться роман, который мечтал написать наш герой (о нём и пойдёт речь далее). Но он всякий раз откладывал эту затею на потом. Иногда, правда, хватался, как сказал бы истинный художник, за перо, но весь его порыв тут же иссякал.

«Нет, не готов ещё! – постоянно твердил внутри его невидимый контролёр. – Вроде пора, но чего-то не хватает», – почему-то он пытался находить для себя новые оправдания, чтобы предательски отложить на очередное «завтра» эту мысль, а время шло и шло.

Концепция и сюжет уже давно были осмыслены, но он по-прежнему держал текст в голове, а игра воображения то закидывалась на каких-то, как ему казалось, удачных мелочах, то уносила в неведомые дали, от которых в очередной раз захватывало дух. Однажды, в очередном порыве, он уже было ухватился за первые строки – вот... вот, наконец, явилась его долгожданная муза, и даже набросал первую страницу текста, но весь накал сублимированных эмоций, подобно паровому свистку, вылился лишь в несколько испорченных листков бумаги, тут же скомканных и брошенных с великим разочарованием на пол. В пылу обиды на самого себя он внезапно написал на новом чистом листе:

Сказал однажды я себе —

Хочу писать я книги,
Но вижу – знак мне на листе
Такой, на вроде фиги.
Вот это да! Шалишь, судьба,
Покорна мне должна быть.
Напрягся весь, но ни фи́га:
«Ой, Муза!..» – Надо выпить.
Налил немного – мысль легка,
Но словно черти скачут.
Такого натворил тогда,
Что даже критик плачет...

Так бывает, и ничего с этим не поделаешь...

Вы думаете, что так вот, легко, написать что-нибудь стоящее, например роман? Нет! Надо всё-таки кое-что знать и понимать, а главное – разрешения спросить. Без разрешения только бумагу изведёте бумагопромышленникам на радость да потешите собственное эго. И даже если издатель расщедрится выпустить выстраданную книгу в свет, всё равно завалится ваша книга на полках магазинов, а потом на складах, ну а дальше – сами знаете её судьбу. Ну и кому это надо? Так, может быть, ради того только стараться, чтобы корочку получить члена Союза писателей (кажется, именно так, если в данном случае, ничего не напутано с ударением)?

Нельзя сказать, чтобы он вообще не стремился к своей мечте. Напротив, он делал кое-какие наброски небольших рассказов и пробовал писать стихи, но не решался их никому показать. Они получались у него сами по себе, по какому-то внезапному внутреннему порыву, вдруг выплескиваясь изящной, как ему казалось, строкой на бумагу. Объявление в газете вынудило его однажды выйти из своего творческого заточения. В газетном номере говорилось об открытии кружка для молодых писателей под руководством местного, известного в богемных кругах поэта. Объявление заинтересовало его, и он решил непременно туда появиться. Да..., так оно и было. Когда он пришёл в кружок в первый раз, то увидел, что десятка полтора молодых людей ютились в небольшой комнате, где постоянно не хватало стульев. Авторы держали, прижимая к груди, первые работы, напечатанные на пишущей машинке, и под стук взволнованных сердец ждали очереди вынести их на общий суд. Они сами обсуждали произведения, сами же давали им оценку. Тут он впервые подверг свой внутренний мир испытанию на прочность, но опыт этот, как выяснилось позже, оказался не совсем удачным. Его «творения» не вызвали ни восхищения, ни острой критики, что, собственно, было равносильно полному провалу. Оказалось, в стихах главное – удачная и красивая рифма, а он думал – душевный порыв, его эзотерическая энергетика.

Эх, поэт, поэт! На что нынче надеешься ты, почему не отзываешься на зов Музы или слишком уж он стал для тебя тих. А может и вообще, не нуждаешься в ней вовсе. Ищешь ли теперь помощи в надрывный час «творческого экстаза» у дочерей Мнемозины, и скажешь ли, какая нынче из них была бы тебе милее? А они, между тем, всё там же, на афинском холме Муз, встречаются с рассветом солнце и любят величественными строениями Акрополя. И бывает, ещё прохаживается прохладными вечерами по его пустынной вершине, молясь забытым богиням, какой-нибудь потомок Софокла, Эсхила, Еврипида, ища благостного вдохновения. Можно ли было в те давние времена не молиться богиням, не восхвалять их и не благодарить? А всё же в силу не выясненных до конца причин и влиянию прогресса Musa уступила своё место по созвучию безразличной – mensa. Вот и утихла их песнь, застыл в мозаике художника красотой недвижимого образа их хоровод. Не направляет больше триединая хорей: музыки, поэзии и главенствующей над ними пляски, своей красотой душу, созерцающего к древней религии. Вот и осталось современному пииту из хаоса первичного океана слов выживать самое

походящее и, скрепя мыслью, рождают изящную строку. Но способна ли она ныне своей мистической силой проникнуть в душу? Золотой век поэзии сменился серебряным, генетика рифмы ослабла, и разум человека вполне мог довольствоваться её символизмом. Никто не заметил, как пришел бронзовый век, где слово зывало лишь к чувственным страстям человека. Что же дальше? Век железный и – конец поэзии? В поисках новых стилей и направлений в современном творчестве поэты золотого века стали старомодны, и тот, кто пытался возродить «душу» поэзии, становился в глазах критиков архаичным подражателем. Но он испытывал потребность в выражении своего духовного мира именно таким способом, и ему было совершенно безразлично, что потребность людей в этом уже бесследно исчезла. Его воображение устремлялось к тем истокам и традициям, с которых всё начиналось, он пытался выразить свою душевную тревогу и писал:

Читайте Пушкина и Лермонтова тоже!
Для сердца нашего, что может быть дороже?
В них Слово русское и русская Душа,
Что льются музыкою вечной не спеша...

У всех у нас есть томик для престижа,
Есть он у эмигранта из Парижа.
Порою каждый, чтоб не слыть глупцом,
Цитирует их строчкой иль словцом.

Я помню, слышал как-то на базаре
И даже среди шума в тёмном баре,
Как кто-то на наречии простом
Читал стихи, завороживши всех кругом.

Нас учат жизни и свободе!
Постичь, пытаясь в переводе
Тоску и грусть, и вечности распев,
И разгадать загадку, так и не успев.

Читайте Пушкина и Лермонтова тоже!
Для сердца нашего нет ничего дороже.
В их книжных переплётах – вольный Дух.
Откройте и прочтите – только вслух!

На листках с подборкой своих стихов он прочитал небольшое резюме: «Почти поэзия, патриотизм, любовь к родине. Из отдельных стихов вышли бы неплохие романсы». Эта фраза, написанная от руки, почему-то вызвала в нём странное чувство. В этих словах он уловил будто бы нотки сожаления писавшего, типа «Опять эта заезженная тема патриотизма и старомодная любовь к родине!» Кому нужна посредственность? Мир испытывает нас и сортирует лишь по принципу: счастливчик – неудачник, только нечто гениальное было способно расшевелить богемную литературную жизнь провинциального города. Среднячок хорош в обыденности, как элемент стабильности общественной жизни, но в искусстве всё иначе. Здесь без удачи, счастливого билета или своего протекции обойтись трудно. «Ничего страшного, – решил он для себя, – нет, так нет! Если талант есть, то он обязательно себя проявит, и его почитатель рано или поздно появится». Несмотря ни на что, он не бросил свои эксперименты и от случая к случаю продолжал баловаться «бумагомарательством». К тому же он постоянно читал и даже

самостоятельно начал собирать собственную библиотеку. Правда, в основной массе покупал книги на потом. «Придёт время, и я обязательно всё это перечитаю», – думал он.

Он очень любил посещать букинистические магазины. Там были книги с особой энергетикой. Всякий раз, держа в руках такую книгу, он не сразу решался её раскрыть. Во-первых, сам автор – нынче таких уже мало издают. Во-вторых, ему нравилось, что книга уже кем-то была прочитана. Ведь кто-то это всё читал, а значит, вдумывался в текст, переворачивая лист за листом. А вот и почти уже выцветшие карандашные пометки на полях. Что-то же волновало читателя и заставляло выплеснуть наружу его грифельную мысль? И он живо представлял, как некто вечерами засиживался за чтением, не замечая времени. Даже запах, исходивший от таких книг, мог многое рассказать об их бывших владельцах.

Если можно было считать это его увлечение чем-то необычным, то в остальном он был самым заурядным человеком. По крайней мере, никто из его окружения не замечал в нём чего-либо особенного. День за днём его жизнь уходила в неведомое прошлое, к которому без особого желания не хотелось и возвращаться. Но это назойливое прошлое всё не отставало и, как вечно голодный пёс, пожирало его жизнь без всякого смущения и благодарности. В остальном всё было как у всех, только вот денег катастрофически не хватало...

Знаки, образы и символы

*«Знаки и символы управляют миром, а не слово и не закон»
Конфуций*

Итак...

Этим утром, когда он продрал глаза, то сначала не понял, где находится. Но уже через миг мысли вернули его в действительность. Ну, конечно же, он дома. «Дома, дома, дома! Какая радость! – просыпалось в его сознании. – А что было ночью? Надо быстрее вспомнить», – мысли в напряжении начали перематывать пленку в обратном направлении, но почему-то путались и скакали между полушариями по нейронным проводам, возбуждая серое вещество, и вспышками электричества поджаривая синапсы. Ну вот, как всегда, в голове каша, в желудке революция, а во рту...

Ну, впрочем, что вам объяснять, как там может быть после бурно проведенной ночи. Это ведь известно почти каждому. Какая гадость эти утренние пробуждения после веселой и беззаботной ночной попойки!

«Да, вчера вечером ведь действительно было хорошо. А сегодня? А что, собственно, вчера было-то?» – попытался он восстановить подробности.

Тут вдруг рядом с ним кто-то зашевелился, из-под одеяла вдруг рассыпались пряди густых, роскошных, длинных и слегка прокуренных волос.

«Кто бы сомневался, – подумал он. – Всё как всегда. Очередная она, могло ли быть иначе? Так, ладно, надо в реанимацию». Это означало принятие душа, чистку зубов, а также приготовление яичницы и потребление обязательной бутылки пива для восстановления мыслительных процессов.

Когда он выходил из ванной, заглянул в приоткрытую дверь и увидел, что она уже сидела на кровати спиной к нему, держа в руке зажжённую сигарету. И он, конечно же, задержался на это мгновение. А кто бы поступил иначе? Женское тело, кого оно может оставить равнодушным? Ведь кто-то же придумал эти формы, чтобы сводить с ума нашего брата. Вот для чего это? Уж сколько говорено и написано стихов, поэм, романов, а задумано прямо феноменально. Ведь вся литература замешана на сюжетах, останавливающих наше внимание именно на осмыслении женской природы. Какой бы она ни была, а всё равно сведёт с ума и, считай, пропал... Загадка, да и только. Вот и она сидела, глядя в окно, и утренний свет мягко касался её бросающейся белизной кожи. Тонкий стан был наполовину покрыт разбросанными по плечам волосами... талия... бедра...

– Интересно, какое у неё лицо? Ничего не помню! Надеюсь, не очень страшное, – в порыве молниеносно нахлынувшей страсти тихо буркнул он себе под нос, – а впрочем, теперь уже всё равно. Но нет, всё-таки интересно. Хотя ладно, пусть будет сюрприз.

Он направился на кухню готовить завтрак. Заглянул в почти пустой холостяцкий холодильник, где обнаружился дежурный набор продуктов, и уже вскоре на плите кипел чайник, и приятно скворчала яичница.

«О чем же она сейчас думает? – не давала покоя назойливая мысль. – Ведь она находится, пожалуй, в незавидном положении. Впрочем, надо сосредоточиться на вчерашнем дне. Вечером у меня была встреча, я опять занял денег. Долги, долги, вечные долги. Только вылезешь из одного, как тут же оказываешься в другом. Деньги. Вот где силища сосредоточена. Ладно, я сильно не заморачиваюсь – тут сшибанул, там перезанял, хорошо, что с банками не связываюсь. А у других, что за жизнь: жена, дети, кредиты, коллекторы и работа за гроши. И устраивает же народ такая карусель! Как ни крути, а всё равно пойдёшь сдаваться на милость кредиторам. Они ведь, как зараза, вездесущи. Вот она суть жизни – деньги правят людьми, даже теми, у кого их много. И ничего не попишешь, нет здесь никакой другой философии. Не лучше ли жить, как я, сам по себе... Впрочем, куда меня опять понесло? Что там было дальше? Ах да, как всегда, меня занесло в этот долбаный кабак. Да, точно, я встретился с корешем, и понеслось... Неужели я все прос..л? Мне же эти деньги надо было отдать, иначе...»

– Привет, – раздалось неожиданно у него за спиной, что заставило слегка вздрогнуть и оторваться от неприятных мыслей.

Он обернулся и увидел милое улыбающееся личико, которое, словно лучик света, на мгновение рассеяло его мрачные размышления. Она была босиком, в его рубашке, верхние пуговицы которой были расстегнуты. Округлости её груди возбуждали в его смутном после вчерашнего вечера сознании мужское влечение.

«Ну вот, хоть что-то приятное за это утро», – подумал он.

Он ответил не сразу, поэтому, вероятно, показался несколько растерянным, но, тут же справившись с этой нелепой паузой, сказал:

– Привет! Я тут приготовил кое-что, прошу к столу, – и жестом показал на накрытый к завтраку стол.

Она ловко, словно кошка, одним неуловимым движением оказалась на стуле за столом, а единственные стоящие на нём тарелка с яичницей и чашка дымящегося кофе оказались перед ней.

– Спасибо, ты очень мил. Из тебя непременно выйдет хороший муж, – услышал он в ответ.

«Впервые вижу такую бесцеремонную особу, – подумал он. – Мало того, что напялила мою рубашку, она уже ест, не поделившись со мной, мой завтрак, и к тому же пророчит меня себе в мужья! Вот это наглость!» – но он не подал вида, так как его в данную минуту мучил иной вопрос.

– Слушай, – начал он как будто издали, – а где мы с тобой вчера встретились? Честно говоря, у меня небольшой провал в памяти.

– Да в кафе, тут, недалеко, где-то около полуночи. Вы с другом обходили злачные заведения и, как потом выяснилось, это было уже третье. Мы с подружкой там и встретились с вами.

– А потом? – с нетерпением спросил он, так как его интересовало не само знакомство, а подробности всего последующего.

– А потом ты мне много чего наобещал, и мы оказались у тебя.

– Слушай, а у меня была с собой такая небольшая сумка на длинном ремне?

– Да нет, вроде ничего такого не видела.

Его вдруг пронзило ужасное предчувствие. Он сорвался с места и начал метаться по квартире. Через несколько минут сел на стул и в отчаянии обхватил голову руками.

– Чёрт, чёрт, чёрт... – пробормотал он, – кажется, допрыгался...

– Что случилось? – в недоумении отреагировала она.

– Что случилось?! Да всё случилось! Я потерял все деньги, да ещё и с документами! – по его телу пробежала волна холодных мурашек, которая вызвала сначала ощущение какого-то животного страха, затем последовало и временное помутнение в голове.

«Нет, это не могло произойти со мной! С кем угодно, только не со мной! – судорожно думал он. – Надо что-то делать. Идти туда, где я был ночью, в полицию, надо.... Впрочем, наверное, все это без толку. Остается только надеяться на порядочность тех, кто нашел мою сумку. Там документы, мне должны позвонить. Идиот! – тут же промелькнуло в голове, – ты позвонил бы, если бы нашел кучу денег? В каком обществе живешь, чем остальные лучше тебя? Нет, ожидать этого бесполезно».

– Слушай, – обратился он к ней, – вспомни подробно всё с того момента, как мы встретились. Что там было?

– Да ничего особенного. Вы пришли, все столики были заняты, но у нас как раз было два места свободных. Вас подсадили к нам, и мы познакомились.

«Так, – вдруг промелькнуло у него в голове, – она сказала, что нас подсадили. Может, тут она проговорила? Всё было заполнено, и только у них свободно, и нас подсадили именно к ним! Кто подсадил, почему было свободно только у них? Явно что-то не складывается и попадает сговором».

Он вдруг вспомнил несколько жизненных историй, когда клиентов специально подсаживали, подпаивали, подсыпали клофелин и обирали. Причём такое иногда случалось даже с весьма почтенными людьми.

– С твоих слов всё просто, как само по себе разумеющееся. Все слишком складно, ты сейчас, наверное, ещё скажешь, что у нас вдруг возникла симпатия, проскочила искорка, и все такое. Только финал выглядит как-то печально.

– Послушай, я тебя ни к чему не принуждала. Ты сам проявлял неподдельный интерес ко мне и был явно в ударе! Какие комплименты ты мне говорил и не скупился на угощение! Официант еле успевал обслуживать наш столик.

«Понятно. Понесло, так понесло. Узнаю себя», – подумал он.

– Ты хотя бы вспомнил, что мне говорил. Я-то уж подумала, что, вот, наконец, встретила человека!

– Дура! Да я всем вам говорю одно и то же. Стандартный набор фраз, но действует отменно. Сколько раз уже проверено. Ваши уши только и предназначены для этой чепухи.

– Действительно дура, почему я тебе поверила! Думала, что это та самая встреча: совместная симпатия, искорка, что-то родное, надежда на взаимопонимание и любовь...

– Какая там ещё любовь? Любовь – это в кино, а здесь просто обычные серые будни, которые мы украшаем своими сексуальными потребительскими инстинктами. Тебе же вчера хотелось меня?

Она молча кивнула головой.

– Во-о-о-т! А сегодня наверняка уже не хочется! Правда, ведь? – он пытался добиться подтверждения своего мнения. – Ну что не так?

– Нет, неправда. – Она посмотрела на него так, словно только что потеряла что-то очень ей дорогое, и молча пошла к выходу.

– Постой, постой. А может быть, это ты? – он попытался остановить её.

– Что я? – недоумённо спросила она.

– Что-что? Может, это ты упёрла у меня сумку, а теперь пудришь мне мозги своей любовью!

Он был вне себя от отчаяния, поэтому не совсем осознавал смысл своей речи и не отдавал отчета своим действиям. Он сам себя не узнавал: зачем-то хватал её за руки, плечи, тряс и требовал признания. Она вырывалась, отскакивала в сторону, потом вдруг резко оттолкнула его, и он удивился, откуда в столь хрупком женском теле взялась такая недюжинная сила.

– Придурок! – она бросилась в комнату за своими вещами и начала поспешно одеваться, а через минуту была уже в коридоре.

– Не-е-е-т, ты так просто не убежишь! – он перекрыл ей выход из квартиры. – Давай вытряхивай всё из своей сумки! – уже совсем обезумев, потребовал он.

– Ты явно ненормальный! На, смотри! – она с ненавистью высыпала на пол нехитрое содержимое своей дамской сумочки. Бери, что тебе надо. Ты просто псих, а я действительно наивная дура!

Ошарашенно он смотрел на разбросанные прямо под ногами обычные предметы женского туалета, такие можно встретить в сумке любой девушки, и не мог понять, что он делает. Зачем это показное шоу, причем здесь она? «Неужели я на самом деле схожу с ума?» – пришла нелепая мысль.

– Тебя не ждёт ничего хорошего, попомнишь ещё мои слова! – с обидой почти крикнула она и выбежала за дверь. Некоторое время ещё слышны были её быстрые шаги, летящие по ступенькам вниз, потом он услышал, как гроыхнула дверь в подъезде. Он вдруг осознал, что от него удаляется то, что он до сих пор не понимал и не ценил, стоял опустошенный и почему-то уже не думал о нависших проблемах. Он пожалел о своем хамском поведении. Чувство потери и какого-то неожиданно сладкого раскаяния и разочарования вспыхнуло где-то внутри, оно было незнакомо ему, но почему-то в то же время и приятное. И он точно знал, что от него не убежишь, не обманешь таблеткой и не зальёшь алкоголем. Из глаз вдруг хлынули слёзы. Они лились сами по себе, и в них не было ничего постыдного. Он добрался до кровати и рухнул на неё лицом вниз.

«Что это? Минутная слабость? – промелькнуло в голове спустя некоторое время, когда он стал приходить в себя. – Сегодня всё как-то не так. Что вокруг меня происходит? Надо успокоиться и подумать, как выходить из ситуации».

Он опять вернулся на кухню, подошёл к окну и пустым взглядом уставился вдаль. Шли последние дни зимы, морозы почти сошли на нет. И хотя природа не радовала буйством красок, всё вокруг было похоже на чёрно-белое кино, солнце всё же подмигивало своим ярким глазом и, как могло, уже пыталось дарить тепло. На подоконник за окном вдруг сел большой ворон и своими темными и сверкающими, как агаты, глазами, гипнотически уставился прямо на него. От неожиданности он застыл, боясь спугнуть птицу. Однако всем своим видом ворон показывал, что никого не боится и не собирается прямо сейчас улетать. Их взгляды встретились, и какая-то незримая нить связала их в одно целое. Теперь, казалось ему, вокруг них не было ничего, только они, как единое человеко-пернатое существо. Никогда впредь он не испытывал столь странного состояния. Словно в гипнотическом сне, огромные качели уносили его в бездонную высь, где была сплошная пустота. Но одновременно он понимал, что эта пустота была до краев заполнена. Он явно чувствовал, что в ней настолько тесно, что нельзя пройти, не задев кого-то или что-то. Но, сколько он ни напрягал зрение, все равно вокруг было темно и одиноко.

Ворон тем временем подошёл ещё ближе, открыл свой черный клюв и, казалось, хотел поглотить его. «Что за чертовщина?» – отшатнулся он от окна, словно от наваждения. Теперь он увидел нечто нереальное. Чего там только не было: звезды, планеты, кометы, какие-то огромные человеческие, и не только, носы, уши, руки, ноги, части тел неведомых существ... Всё это вращалось, соединялось и вновь распадалось в бурном потоке вечности. Всё это вызывало необыкновенный ужас, от которого хотелось бежать и прятаться. Он даже зажмурил глаза и из стороны в сторону потряс головой. Ворон открыл ещё раз клюв, издал пронзительный и неприятный по тембру звук, а затем вдруг звонко стукнул клювом по стеклу. Ещё через мгновение птица раскрыла могучие крылья и взмыла вверх.

– Это что же такое?! – сказал он себе, ошеломленный случившимся. – Что за мистика, или я точно уже схожу с ума? Похоже, с пьянством пора завязывать, а то не ровен час, ждут меня места принудительного лечения да вышитая, с казенным вензелем на груди, смирительная рубаха.

Он достал из холодильника припасённую для такого случая бутылку пива; присел за стол и посмотрел на стекающие по её отпотевшим бокам капли. Чем-то очертания бутылки напомнили ему изгибы женского тела. «Да, наверное, пора, но только не сегодня», – заключил он. Наполнил стоявший рядом изящной формы бокал и одним махом выпил его. По телу постепенно разливалось тепло, и уже через некоторое время он почувствовал успокоение и улучшение настроения. Потом выпил ещё, и ещё, пока бутылка не оказалась пустой. «Здорово, – поймал он себя на чувстве приятного умиротворения и успокоился окончательно. – Вот, вроде бы, и мысли восстанавливаются. Теперь всё – теперь, пожалуй, можно и бросать».

Вдруг тишину затянувшегося утра нарушил звонок телефона. От неожиданности он даже вздрогнул: «Фу ты, чёрт, кому там ещё чего от меня надо?»

Он ответил. Из трубки раздался голос, который он не хотел слышать в ближайшее время, особенно сегодня.

– Здорово, дружище! Помнишь, какое сегодня число? – как будто заходя издалека, недоброжелательным тоном произнёс голос.

– Да-да, конечно, – запинаясь, ответил он. – Но я ещё не готов...

– Это твои проблемы, – прервал его голос. – Достаточно разговоров, я уже много выслушал, пришло время дел. Итак, когда мы встречаемся, и ты отдаёшь долг?

– Только не сегодня, – взмолился он. – Мне надо ещё пару дней, недостает немного, чтобы полностью рассчитаться с тобой. Надо ещё немного времени.

– Время, время. Вечно его всем чуть-чуть не хватает, а тебе, так я смотрю, его не хватает постоянно и катастрофически, – по-философски прозвучало из трубки. – Но, как это ни странно звучит, твоё время – в моих руках, у тебя теперь нет даже его. Хорошо, – продолжил голос, – ссудный процент не бывает без судного дня. Я так думаю, пусть он наступит для тебя через две ночи, одна из которых только что закончилась! Ха-ха-ха! – раздался из трубки издевательский смех и потом зазвучал длинный гудок.

«Ну и что теперь, – продолжил он диалог, уже сам с собой. – Шутки, похоже, закончились. И что будем делать? Вот у Родиона Романовича нашёлся же выход, – вспомнил он почему-то героя романа Достоевского, как будто сравнивая его с собой. – Да и деньги оказались ему не нужны. А что ему, собственно, нужно-то было? Что-то там сам себе хотел доказать. А мне-то что и кому доказывать? Тут не то, что топором не отмахнешься, пулемёт не поможет. Да и я не Родя. Ну и мысли! Уже и в классику затащили! Что делать-то будем?»

Хмель исчез окончательно. Он знал, что спрятаться или уехать он не сможет, рано или поздно его всё равно достанут. Надо было искать деньги. Однако теперь он и так уже был должен вдвойне, так как вчера перезанимал деньги именно для того, чтобы рассчитаться с предыдущим долгом сегодня. Долг удвоился, а также удвоились и обязательства. Так что, по сути, в прошедший вечер кто-то странным образом уже запустил процесс его «казни». Очень скоро его все равно найдут, и это может закончиться чем-то, мягко говоря, не очень для него приятным.

Первое, что пришло ему в голову – это все же пройтись по горячим следам ночного randevu. Вдруг всё же посчастливится, и он найдёт то место, где оставил сумку. «Чем чёрт не шутит!» – с оптимизмом подумал он, собрался и вышел из дома.

Словно тень, он бродил по улицам, которые вчера казались ему наполненными яркой иллюминацией и весельем, бесшабашностью и вседозволенностью. Дело шло к обеду. Кафе, в которые он заходил, чтобы вспомнить, где же он всё-таки был, вновь заполнялись людьми. Кто с бокалом пива, кто с фужером вина, а некоторые даже за чашкой чая сидели, оживленно беседовали и поглощали свои любимые закуски, первые и вторые блюда, десерты и фрукты. Он смотрел на эти довольные лица всех возрастов и думал, что сегодня, здесь и сейчас, он тоже мог бы прожигать свой честно заработанный выходной.

Когда он обошёл почти все кафе, где был вчера, ему стало ясно, что затея с поиском сумки заканчивается провалом. Вот оно то, последнее, где состоялось ночное знакомство с ней. Вчера здесь опустился занавес его бенефиса, он был звездой. Это было его шоу, праздник жизни. Это и была сама его жизнь. Ведь именно для этого он и вынужден находить способы заработать. Если бы не было этой влекущей своими соблазнами жизни, для чего бы ему понадобились деньги?

«Вот интересно, – думал он, – и чего я мечусь в поисках денег? Сколько нервов, эмоций, напряжения ради этих бумажек. Вот ты их заработал – и тут же потратил на шмотки, вино и женщин, а значит, вновь обязан вернуться в этот круговорот, чтобы вновь заработать и так же потратить. Кто меня заставляет это делать? Какая сила? – задавал он сам себе, казалось, бессмысленные вопросы. – Впрочем, куда меня опять несёт, снова в философию ударился. День скоро заканчивается, а я ничего не нашёл и не придумал. Похоже, надо ехать к матери. Может, она чем-нибудь поможет».

Его мать жила недалеко от областного города, в тихом, маленьком городке. Последнее время он стал всё реже её навещать, обещая себе «Вот завтра съезжу», или «На выходные надо обязательно съездить». Но всё время находились причины не приезжать. Так или иначе, встречи были довольно редки, но теперь её возможная помощь казалась небольшим шансом выхода из создавшегося положения, и он решил поехать. Автобус ехал быстро, но хватило времени немного вздремнуть. Уже под вечер он прибыл в свой родной, когда-то процветающий, а теперь заброшенный провинциальный городок.

Давно, как только окончил школу, он уехал отсюда учиться и редко бывал здесь. Вся молодёжь постепенно разъехалась, остались в основном пожилые люди. Казалось, что время здесь прекратило свое бурное движение. Жизнь шла по простым стариковским правилам: позавтракать, узнать свежие новости, сходить в магазин и по пути непременно обсудить их с первым встречным. Обед, сон, телевизор, встречи во дворе на лавочке, жаркие споры о политической ситуации в мире, что произошло в городке или в квартире соседа. Но самой главной и болезненной оставалась проблема квартплаты. Постоянно растущие цены в квитанциях никого не оставляли равнодушным. В процессе их обсуждения доставалось всем, начиная от директора управляющей компании до мэра, губернатора, правительства и, конечно, президента. Последнего, правда, чаще жалели, считая нерадивость всех остальных главным источником проблем. Приезжие сюда также принимали участие в этих разговорах и вскоре безнадежно увязали в трясине провинциальных проблем. Так люди встречали свою старость, сидя на лавочке возле дома, ворчливо рассуждая о плохой погоде, старых хронических болячках, вороватых чиновниках, обнаглевших террористах, и никуда не годной молодёжи. «А вот в наши времена... – были их любимые разговоры, – всё было не так, и молодые были отзывчивей, и старикам почёт, попробуй только...»

Однако в этот раз ему, к счастью, удалось проскочить сквозь кордон цепких глаз знакомых аборигенов. Достав ключ, он щёлкнул замком два раза и оказался внутри своего детства. Этот мир никогда его не покидал, здесь жили уют, радость и счастье. Казалось, сейчас из кухни потянет запахом чего-то вкусного. Там молодая и красивая мама, вечно хлопочущая у плиты. Там находится её тайная алхимическая лаборатория, где её безмерная любовь, словно по волшебству, превращается во вкус разнообразных блюд.

Но... там, в этой тесной кухоньке, сидела за столом уже немолодая женщина, о чем-то думала и смотрела в окно.

– Ой! – вздрогнула она, – ты меня напугал.

Лицо её осветила улыбка, а глаза вмиг потеплели, словно где-то внутри неё зажегся источник света. Она тут же быстрым движением поднялась со своего места и устремилась ему навстречу.

– Я как раз думала, когда ты приедешь, и вот на тебе, ты здесь. Здравствуй, дорогой! – расцеловала она его несколько раз. – Что же ты мне не позвонил, я бы приготовила к твоему приезду что-нибудь вкусненькое. Ты, наверное, голоден? Сейчас накормлю.

И она, не давая ему ответить, засуетилась у плиты, поставила чайник.

– Привет, мам, – сказал он, – не торопись, я сегодня останусь у тебя переночевать, а завтра с утра уеду.

– Вот и хорошо, я так по тебе соскучилась. Хоть поговорим немного, а то ты вечно спешишь. И всё-таки, ты мой гость. Не так ли? – с улыбкой заметила она, – а, следовательно, я должна угостить тебя ужином.

Она заглянула в холодильник.

– Ты знаешь, мне ведь много не надо, поэтому особо ничего не покупаю. Но на всякий случай приберегла кусочек мяса. Как чувствовала, что приедешь. Сейчас приготовлю, как ты любишь.

Второпях она загремела посудой, и вскоре плита, как волшебный оркестр, залилась своей уникальной мелодией, в которой одновременно кипел чайник, что-то бурлило, подбрасывая крышку на кастрюле, шипело на сковородке мясо, а огонь, словно дирижёр, весело задавал всему этому общий тон. Мать, подобно умелому магу, приправляла приготовленные для него блюда своей неутомимой любовью. Квартиру наполнил запах далекого детства.

Он обошёл комнаты, где всё было по-прежнему.

«Как же здесь было хорошо. Мать, отец, сестра и дед, которого частенько не бывало, потому что любил ходить по гостям. Почему там нет такого тепла? Почему там, в большом городе, нет этого чувства родового единения, где ты всегда будешь поддержан: и в горе, и в радости, и в заботах, и в труде? Куда всё исчезло, куда исчезли все? Ведь там, в толкотне и суете, я совсем один...» – неспешно размышлял он, пока не послышался голос матери.

– Все готово, иди сюда! – позвала она, и он поторопился, так как и на самом деле был голоден.

Он живо взялся за вилку и нож. Блюдо и впрямь выглядело так, будто говорило: «Съешь меня!» Да что объяснять, сами знаете, что такое домашняя кухня.

Он приступил к еде, а она с нетерпением стала расспрашивать его обо всём, делаясь с ним накопившимися новостями.

– Спасибо тебе, давно я так вкусно не ел, – сказал он, подвигая к себе чашку ароматного чая.

Они беседовали, вспоминали, смеялись и грустили, а память уносила их в далёкое прошлое, пока он не увидел, что совсем стемнело, и не вспомнил, для чего он, собственно, приехал.

Повисла небольшая пауза, и он, наконец, решил заговорить о деле.

– Ты знаешь, мам, а я ведь приехал не просто так. Даже не знаю с чего начать, – промямлил он, стыдясь, – в общем, мне нужны деньги, причем много.

Когда она узнала сумму, то смутилась и спросила:

– Ты что, увлёкся наркотиками или играми на деньги?

– Да нет же, – ответил он, – даже не думай об этом. Просто, понимаешь, жизнь в большом городе, она особенная. Надо подобающе выглядеть, иначе с тобой никто не будет общаться, следовательно, будут проблемы с работой. В общем, надо соблюдать правила этой жизни, иначе окажешься на обочине.

– Что же это за правила такие, что требуют таких деньжищ? Что случилось с людьми, если они воспринимают тебя только через содержимое кошелька? А где же внутренний мир?

– Мам, да всё уже давно не так, ты сильно отстала. Внутренний мир остался у Достоевского и Толстого, теперь духовный мир, о котором ты пытаешься сказать, перекочевал в информационное пространство компьютеров, смартфонов и прочих гаджетов. Он нашёл себя именно

там, где и был всегда – в виртуальном пространстве, только раньше люди об этом не догадывались. И если ты заговоришь о душе, то тебя попросят предъявить её, вывернуть её наизнанку, чтобы пощупать, понюхать, попробовать её, как вещь. А если им действительно удастся это сделать, то можно даже не сомневаться, что ей обязательно найдётся практическое применение, и непременно используют для зарабатывания денег.

– Неужели в вашем мире всё так плохо?

– Да нет, там замечательно, только денег надо много. Ну, сама подумай, человек с деньгами везде и всегда человек. – Намеренно разделил на части он последнее слово, чтобы подчеркнуть свою мысль. – А что он без денег?

– Странно. Вот у меня нет денег, а тем более такой суммы, что ж, я уж и не человек? Впрочем, ладно чего уж там, у вас своя жизнь и ничего с этим не поделаешь. Помнишь, вы с отцом поссорились? Отец тогда сказал больше не давать тебе ничего. Ты же знаешь, он уехал в командировку, даже не попрощавшись с тобой. Он был очень огорчён после последней вашей встречи, – грустно сказала она.

– Да, нехорошо вышло, но я не виноват, что он не хочет меня понять. Времена изменились, и я не могу жить по его архаичным принципам. Они с дедом только и знают, что надо трудиться от рассвета до заката, а все деньги тратить только с определенной целью. Я помню его наставления: «Запомни, деньги – это средство для достижения цели». Но в моём мире деньги – это средство для жизни. Она вот здесь и сейчас. – Он ткнул своим указательным пальцем в пол. – Почему я должен отказываться от своих желаний ради эфемерного потом? Этого «потом» может и вообще не настать. – Попытался объяснить он философию современной жизни, и немного помолчав, добавил: – Отцы и дети..., это ведь совсем не ново. Если мы их не понимаем, то не они ли в этом сами и ответственные?

– Может, и так, – ответила мать, – но заметь, это ты сейчас ищешь деньги, а не отец. Всё же прислушайся к нему, неправильно это, когда нет понимания между поколениями, тем более между мужчинами. А у тебя дети родятся, тогда что делать будешь?

– Ладно, не надо морали читать, – с долей раздражения в голосе перебил он её. – Я вот что подумал: у вас дом деда в деревне остался... – Его голос дрогнул, и он слегка кашлянул, будто першило в горле, а затем продолжил: – вы же там не живёте и как дачу не используете. Может, уговоришь отца продать его?

– Нет, нет, что ты! – перебила она, – это бесполезно, ты ведь знаешь, он дорог как память. Сам должен понимать, что для него он значит. Отец уже давно хочет передать его в хорошие руки. Не думаю, что наследство будет в твою пользу, – заключила она.

– Да, что-то с современными взглядами у нас не получается. Эти патриархальные понятия давно уже не в моде, они никого не интересуют, разве что каких-нибудь фанатов старины, – объяснил он свою позицию и добавил: – ну и что мне делать?

– Даже не знаю. Ты же сам говоришь, что я плохо разбираюсь в нынешней жизни и с трудом понимаю, откуда у вас там берутся деньги.

– Ладно, понятно. Как говорится, утро вечера мудренее. Уже поздно, пойду спать. Завтра уеду пораньше.

Заснуть удалось не сразу. Беспокойные мысли прогоняли сон. Он понимал, что остается слишком мало времени, чтобы добыть деньги. Скорее всего, придётся держать ответ. Об этом он старался не думать. Что его ждало в этом случае? Его воображение подкидывало сценарии один страшнее другого. Чудились какие-то мерзкие бандитские рожи, которые пытались его поймать и требовали денег, причём всё больше и больше. В своей дремоте он видел их почти реально и даже пытался им что-то объяснить. Борясь с кошмарами, он как-то незаметно уснул.

Утром его уже ждал завтрак и, как всегда, заботливая и приветливая мама. Он зашёл на кухню и сел за стол, упёршись взглядом в поставленную перед ним тарелку без всякого интереса и аппетита.

– Что ты думаешь делать? – спросила она. – Я очень беспокоюсь за тебя, практически всю ночь не спала. Даже не знаю, что ещё предложить и чем помочь.

– Да ладно, мам, как-нибудь выкручусь! Не беспокойся, не впервой! – взбодрил он больше себя, чем её.

Быстро позавтракав, он стал собираться уезжать.

– Всё, пока! Я позвоню! – бросил он напоследок, выходя за дверь.

– Да, хорошо. Счастливого тебе пути, дорогой мой! – суетилась она у двери, провожая его и не зная, когда увидит его в следующий раз.

А он возвращался туда, где непременно должно было состояться неприятное для него событие – развязка этого, как казалось, тупикового положения. Выйдя из автобуса, он даже не знал, куда идти дальше и что делать. Он просто брёл по улице. Город просыпался. Мелкие торговцы уже подняли, словно веки больших глаз, оцинкованные ставни своих уличных ларьков и зазывали купить кто цветы, кто перчатки или очки, кто уже готовый утренний фастфуд. Толпа двигалась двумя встречными курсами, и трудно было вовремя увильнуть, чтобы не столкнуться с кем-нибудь плечами. Этот людской поток постепенно редел, отрывая от себя исчезающие на пешеходных переходах, в дверях магазинов и подворотнях движущиеся ручейки, и в пределах видимости распадался на отдельные группы, пары и одинокие фигуры. Каждый шёл своим, известным только ему, курсом. Какие заботы выгоняли всех этих людей из своих тёплых квартир в эту толкотню?

Он следовал в толпе, как какое-то инородное тело, совершенно не соблюдая её скоростной ритм, и оттого его кидало из стороны в сторону, словно маленькое судёнышко в океане, от постоянных ударов в плечо. «Куда прёшь?!» – то и дело слышалось со стороны, но он не реагировал и продолжал брести, нарушая законы этого вечного уличного хаоса. Внезапно почувствовал на себе чей-то цепкий взгляд. Он повернул голову и встретился взглядом с глазами человека, сидящего в инвалидной коляске.

Такие люди, просиживают целыми днями на улице в ожидании подаяния. Прохожие привыкают к этому зрелищу и чаще всего идут мимо. Он поступал так же, но сейчас на него посмотрели по-особенному. Казалось, что если бы этот человек мог ходить, то накинулся бы на него с приветственными словами и объятиями. Но нет, инвалид просто смотрел, слегка улыбаясь и показывая своим видом, что для него не существует никаких тайн.

Он подошел ближе к этому странному человеку, нащупал в кармане какую-то мелочь, сгрёб её своей пятернёй, и в тот же миг она со звоном рассыпалась в стоящей перед инвалидом коробке. Потом сделал пару шагов вперёд и вдруг услышал за спиной тихий голос: «Да воздастся тебе по делам твоим». Он обернулся, чтобы ответить, но человек в коляске с невозмутимым видом благодарил уже очередного подающего прохожего и не жалел при этом самых разнообразных эпитетов.

«Да ладно, буду я обращать внимание на всякую ерунду. Наверное, мне просто послышалось», – подумал он. Но все же слова эти показались ему весьма странными.

По телу пробежал легкий холодок, и руки невольно потянулись поднять воротник. Он уже выпал из общего потока, шёл, не выбирая пути. Кривые улицы то и дело приводили к развилкам дорог, и он, не задумываясь, поворачивал то налево, то направо. Собственно, и цели никакой не было, надо было просто идти навстречу надвигающемуся полудню. Он дошёл до городского парка, где наблюдалось оживление. Чем ближе он подходил, тем большая людская масса подхватывала его и направляла в нужном направлении. Наконец, показался ярко украшенный вход в парк. Праздник так и манил всех окружающих в гости. У распахнутых настежь ворот стояли парень и девушка в русских костюмах и зазывали прохожих, приглашая посетить праздник:

Заходи, честной народ,
Окупись в круговорот,

Ждёт красавица тебя,
Красная краса,
Русая коса,
Тридцати братьев сестра,
Сорока бабушек внучка,
Трёхматерина дочка.
Заходи душой потешиться,
Умом повеселиться
Да речами насладиться!

«Понятно, – промелькнуло в голове, – сегодня последний день Масленицы». Было время, когда он с родителями встречал этот замечательный праздник. Они любили приезжать в выходные дни из маленького городка и часто гуляли в этом парке. Тогда для него, впрочем, как для любого ребенка, привлекательной была внешняя сторона: сладости, игры, забавы, и всё без ограничений. Сегодня, наблюдая за народным гуляньем, он поймал себя на мысли, что ему совсем нет дела до этого веселья. Конечно, праздник существует давно, может быть, несколько веков, но теперь и праздник уже не тот. Не тот народ, не те песни, не те игры. Не тот размах. Разве можно ограничить Масленицу забором городского парка? Раньше, наверное, весь город в эти дни становился Масленицей. Закусить горячим блином – и на гулянье, в хороводы с весёлыми песнями, потом скатиться с ветерком по ледяной горке! А то и ледяную крепость с воротами соорудить, да устроить целую баталию с её взятием. Да, именно так и было. Общественные горы, качели, балаганы для скоморохов, столы со всякими яствами. Здесь торговый народ собирал дань с праздности и лени, здесь копейка ставилась на ребро. Не ходить на горы, не качаться на качелях, не потешаться над скоморохами, не вкушать сладких яств – значило в старину: жить в горькой беде, или быть старым, лежать на смертном одре, или сидеть калеккой без ног.

А можно ли было отказаться от самого лучшего и разгульного катанья – в запряжённых лошадей санях? Представить только: девки и парни, усевшись гурьбой в сани, разъезжают по укатанной снежной дороге, под дугами звенят на все лады колокольчики. Молодежь распевает песни и веселит проходящий народ. Лошадь едва тянет эту весёлую ораву, часто останавливается и, прядая ушами, словно прислушивается к песням разудалых седоков. Но ей не дают застояться и дёргают за узду. Лошадь вздрагивает всем телом и медленно, шаг за шагом, сначала иноходью, потом переходя в галоп, набирает темп. От неё валит пар, ей тяжело, она задыхается, но везёт. А вот весёлая компания уселась в сани, запряженные целой тройкой лошадей. Это бесстрашные любители острых ощущений. Они требуют, чтобы кучер стегал и понукал лошадей и чтобы те неслись словно ветер. И вот со свистом и гиканьем летят по-гоголевски на запряжённой тройке. Куда несётся она?..

Там уже нет никакого «куда». Нет ни времени, ни границ, ни небесных светил. Да и не кони это уже вовсе! Это Душа вырвалась из своих оков и в безумстве своей внезапной свободы мчит, не разбирая, куда, лишь бы насладиться скорее отсутствием возничего. И только знает, что Она – это всё, и всё – это Она. Но вдруг встрепенётся возничий и осадит этот безумный полёт. «Рано ещё, рано», – скажет Он. И от счастья небесного к поиску счастья земного возвратится Она вновь. Разве можно забыть эти предвесенние ощущения, разве не захочется вновь и вновь окунуться с головой в этот праздник новой жизни?! Но ведь случилось, произошло! Где это всё: весельчаки-скоморохи, ряженые, весёлый народ, молодецкая удаль и девичья краса?

В бесконечном хороводе небес из года в год возвращает человека Земля в одну и ту же исходную точку рождения новой жизни. Вот те самые врата, когда можно сойти с её орбиты и со стороны взглянуть на жизнь, полную радости и горя, добра и зла, правды и лжи. Чего там

больше – того, что сам человек желает, или чего-то другого, но одно бесспорно: побывать там – счастье, и даже один миг там, один вздох – уже жизнь.

Вот уже и горит соломенное чучело, очищает огненная стихия дорогу новому, просыпается природа и призывает человека к труду.

Так, вероятно, могло быть. По крайней мере, многое осталось в старинных книгах, но ничего такого уже нет в действительности. Есть только обычные горожане, уплетающие на лёгком морозце горячие блины, есть торговцы разных мастей и артисты, пользующиеся случаем, чтобы подзаработать на старой традиции.

Думал ли об этом наш герой? Если у вас возникла такая мысль, значит, вы ещё не достаточно хорошо его узнали. Да разве мог он вообще о чём-либо думать при таких обстоятельствах? Войдите в его положение. Видите ли вы какой-то выход? Поэтому он просто слонялся городу и ничего лучшего придумать не мог. Глядя теперь на жующих, пьющих и весело орущих во весь голос людей, он чувствовал, что идти ему куда не хочется, а что предпринять, не знал. В общем, оказался в тупике.

«Есть ли у меня план? – думал он, – у них-то план насчёт моего будущего уже заготовлен, и он не в мою пользу. Как-то странно получается: некто может запросто поменять мою жизнь. Кто же ему даёт на это право? У меня есть моя жизнь, моя собственность, то есть только я имею на неё право. А кто такой «я», который говорит о своей собственной жизни? Я ем, пью, говорю, да чего только я не делаю! И этот «я» обладает жизнью. Очень интересно, ведь ему досталась целая жизнь. Что-то очень заумно, так сразу и не разберёшь.

И тут вдруг некто просто так может завтра распорядиться моей жизнью без моего желания? Нет, я на такое не согласен. Пойти, что ли, и поговорить с ними. Сказать «Вы не имеете права влиять на мою жизнь! Ну, дали вы мне деньги взаймы, но не закладывал же я взамен них жизнь? Не может же она стоить денег? Она же вообще не может быть чем-то оценена!»

«Да, конечно», – скажут они. Потом почешут затылок или ещё что-нибудь и непременно согласятся со мной. – «А ведь и правда, парень, как это мы сразу не додумались! Ведь действительно твоя жизнь неприкосновенна. Как это мы сразу не прочухали, – скажут они. – Ты, оказывается, такой умный, прямо философ! Открыл нам глаза на очевидную истину!»

– Ха! – грустно хмыкнул он и пробурчал, – сам-то понимаешь, о чём говоришь? Да только появишься ты им на глаза, они точно из тебя душу вытрясут, ты же для них никто, вошь бесполезная!

«Хорошо, – продолжил он рассуждать, будто распутывая какую-то логическую цепочку, – должен я им деньги, эти ничего не стоящие бумажки. Сравнить только бумажки, пусть даже и красиво раскрашенные, и человека. И деньги становятся мерилем моей жизни? Это получается, что деньги обладают ценностью, соизмеримой с моей личностью? Значит, моя жизнь – товар? А я себя продаю? Вообще, я имею на это право? Эх меня занесло! Похоже, сейчас я открыл новый экономический закон: деньги есть причина моей жизни, а я (моё существование) – их следствие. Что-то вроде: «кошелёк или жизнь». Есть кошелёк – есть жизнь, а нет – и ты никто. Просто нет тебя, и всё тут. Кто соразмерил кошелёк и жизнь? Деньги вон какую власть имеют над человеком. Один может быть из-за них убийцей, другой – жертвой, а в результате оба виноваты, потому что жизнь стали деньгами мерить. Они, деньги, такую силу имеют, власть непомерную! Всякий, кто перед их главным предстаёт, кланяется и умоляет: «Святой ты наш, Рубль Рублёвич Рублёв! Не откажи рабу своему в одолжении, подай хоть сколько-нибудь грешному!» И, самое интересное, не отказывает, подаёт. Кому больше, кому меньше, но в подавании не отказывает. У всякого хоть монетка в кармане да найдётся. А сколько их на дороге валяется... Вот только и спрашивать с кредиторов не забывает, да с процентиком, да с процентиком на процентик! Все у него в должниках ходят: бедный отдаёт долг, зарабатывая своим хребтом, а богатый – умом. Всё подсчитано, записано, и будь уверен – всё вернёшь

до копеечки. Деньги у него должны порождать деньги, и он хорошо знает, что для нас они порождают удовольствия. А без удовольствий-то как?..

Но самое странное, что люди, несмотря на всю ничтожность своего положения, на все унижения и страдания, всё равно идут и идут на поклон, словно под гипнозом, и не вырваться им из этого четвертующего колеса. Деньги, они ведь Душу убивают! Стало быть, не зря упрекал Родион Романович сестру свою Дунечку, – вспомнил он сюжет известного романа, – что продаёт себя за деньги, и, стало быть, во всяком случае, поступает низко. А сам взял и плюнул на всё, и оставил за собою два трупа. Но ничего не проходит даром... Вот ведь как получается – продаём, продаём понемногу, потихонечку, всё продаём – тело, совесть, душу..., жизнь продаём! Торгуем... Вся жизнь превратилась в огромный рынок, и людей-то уже нет – одни торговцы.

Вот, значит, и до меня добрался Рубль Рублёвич, следовательно, и мне пора сделать выбор. Но вроде есть ещё один день на деньги, двух, наверное, уже не будет!»

Так он шёл, философствуя сам с собой, и не заметил, как очутился возле букинистического магазина. «Вот чего меня сюда принесло? Опять случайность или закономерность?» – резко поменяла направление его мысль. Но пройти мимо магазина он не смог. Книжные магазины были, если так можно сказать, одной из его слабостей, страстей, хобби, и отказать себе в удовольствии подержать в руках старые книги и по возможности что-нибудь приобрести, было выше его сил.

И вот он уже среди заваленных до пределов книжных полок. Перенесённые на бумагу мысли огромного числа людей, покрытые толстым слоем пыли, стояли на стеллажах, стопками высились на столах и беспорядочно валялись на полу, так что с трудом можно было передвигаться в трёх небольших комнатах. Магазин больше походил на склад макулатуры, чем на книжную лавку. «Сколько же чувств и мыслей разных людей скопилось здесь», – подумал он. Книги классиков, научные книги, разнообразные журналы, одним словом, литература на любой вкус ждала своего нового читателя. «Вот они, хранилища знаний, выброшенные из домов! Кому всё это теперь надо?» – переводил он свой взгляд с полки на полку.

По всему было видно, что продавцы умело, что называется, в духе времени, подходили к делу. Здесь правила бал её величество коммерция. Век цифровизации шёл не на пользу настоящим любителям чтения и получения знаний. Новое поколение владельцев сталинских хором и тесных хрущёвок, очищая частные домашние библиотеки от наследия своих родителей, не находило в них никакой ценности. Многотомные издания советской эпохи, за которыми прежде шла настоящая охота, сегодня по сходной стоимости, перекочевывали в подобные книгохранилища, к удовлетворению частного интереса мелкого бизнеса. Семейная пара средних лет теперь была их хозяевами. Они неторопливо сортировали свой улов по разделам и по годам изданий, казалось, не обращая внимания на редких посетителей. Всего два или три человека, как можно было заметить, пытались отыскать в этих завалах своё сокровище. Присоединился к ним и он.

Вот, например, стояли здесь, на самом виду, как на витрине, полные собрания сочинений нашей гордости – писателей XIX века. Теперь они выглядели весьма не презентабельно, но при этом никуда не исчезла их духовность. Слово, которое будоражило умы людей на протяжении двух веков, не могло изменить своего значения. Но могло случиться другое, более непоправимое, – слово перестало быть понятным, и поэтому стало ненужным. Мы, поколение XXI века, стали иностранцами в собственной стране. Мы разучились читать, думать и понимать по-русски! «Но как же, – подумает сейчас читатель, – ведь я говорю (и думаю) на, что ни на есть, том самом, великом и могучем!» А тут-то и ловушка!

Думаем мы, вроде, действительно по-русски, да и говорим тоже, но только поступаем как-то не по-русски, а всё больше по-иностранному. Причём поступки наши не немецкие (nicht Deutsch), не французские (non Français), не английские (not English), и вообще, никакие

не европейские, но они даже и не азиатские, – они чёрт знает какие (the devil knows what). Они больше похожи на инопланетные. Поэтому удивляют, восхищают, но в то же время потрясают и пугают весь окружающий мир. Посмотрите на тех же европейцев: ездят по всем частям света, собирают свитки, рукописи, фолианты, сначала в основном из своих торгашеских побуждений. Потом вдруг прочитают и сами же за голову хватаются, просто ужас их охватывает – нельзя это всё читать народу! Мало ли какие мысли возникнут в неокрепших головах! Всё спрятать в тайные хранилища, а остальное сжечь! И полыхают у них периодически целые библиотеки, начиная с Александрийской. Знает история факты, когда бросали они книги в костры прямо посреди городских площадей. Пример тому прошлый век. Как ярко освещали они своим романтическим светом улицы Третьего рейха.

Привёз такую моду в наши края и Великий император после поездки в заморские страны, да ничего не получилось. Просто не горят у нас ни рукописи, ни книги! У нас другое: с какой, бывало, жадностью русский человек скупает, выменивает и даже иногда просто «стибрит» нужную книгу – всё сделает, но библиотеку соберёт и обязательно прочитает всё от корочки до корочки. Потом переварит прочитанное, устроит дебаты, а то и больше – поругается и подерётся в защиту автора. Придёт пора, и разочаруется во всём, но жечь ничего не станет, а просто выкинет. Вот и пришла эта пора, когда книги выбрасываются за ненадобностью. Хорошо, если отдаст почти задарма в такой вот магазин. А чаще возьмёт и вынесет в подъезд целую домашнюю библиотеку. – «Берите, читайте, соседи!». – Сколько раз он находил на площадках многоэтажек нужные для себя книги. Их в основном никто не берёт, так и валяются они на этажах, пока уборщица не вынесет на помойку. Но и там, на этих свалках, они ещё не пропадают – они ещё борются за себя: пороется среди хлама какой-нибудь бомж, да и приглянется ему нечто. Возьмёт и притащит к себе в «берлогу» пару-тройку понравившихся книг, усядется читать. Да-да. Про еду даже забывает. Хватятся товарищи бомжа: – «Где такой да разэтакий запропал, может, помер уже, а мы и не заметили?» Приходят, а он глядь – зачитался!

– Ты что это, брат? – вопросят они. – Неужто заболел?

Поднимет тот голову, и увидят они, как на опухшем, от частых возлияний, лице его сверкнут загадочные для них очи.

– Не поверите, братья мои! – с восторгом воскликнет он. – Какой сюжет! Какое слово, какая философия! Куда уж вам, бродягам, до этого!

Но не поймут его братья, и появится у него под глазом ещё один фингал. Не оттого, что они оскорбились, а оттого, что завидно им стало:

– Вишь, к высокому приобщился! Человек, понимаешь ли!

Даже заезжие иностранцы, проходя мимо таких «достопримечательностей», диву даются, а некоторые специально приезжают посмотреть, какое в свете бывает чудо. Сидит такой грязный, вонючий забулдыга в драной одежде, с синяками, ссадинами и – читает... Весь мир для него пропал, просто нет его. Даже тыкающего в него пальцем иностранца не замечает! «Russian Guru?»². Во, как! Воистину говорят, что мы самая читающая нация!

А потом вдруг приходит новое время, и мы роемся в этих помойках, ищем потерянное, своё родное. Пусть оно уже сгнило и дурно пахнет, но тащим домой, ставим на новые полки заплесневевшие фолианты, и гордимся ими, и показываем соседям, и пытаемся понять ушедших предков:

– «О чём же они нам толковали, что же сказать-то хотели?»

С такими мыслями ходил он от стеллажа к стеллажу, толком не зная, что ищет, но чувствовал – что-нибудь наверняка приглянется.

«Где, где она – моя самая нужная, ценная и объясняющая всё книга? Я знаю, что она есть, она точно существует. Может быть, не здесь, но я верю – она найдётся», – думал он.

² Русский Гуру

Вдруг на повороте, в узком проходе между стеллажами, он нос к носу столкнулся с каким-то странным на вид человеком.

– Ой, – растерявшись, сказал он. – Извините, я не ожидал, что могу здесь с кем-нибудь пересечься.

– Ничего, ничего! – ответил незнакомец металлическим голосом. – Зато я ожидал!

– То есть, как это... ожидал? – он был поражён его ответом.

– Наблюдаю за вами уже битых полчаса, – продолжил незнакомец, – ходите, ходите кругами, книг, несмотря на их обилие, в руки не берёте, а только по задумчивости вашей чувствуете, что какая-то цель у вас всё же есть.

– А вы что, за мной следите?

– Слежу-с, – почему то на старый, забытый манер ответил тот.

– Что значит – слежу-с! – закричал он, – вы что, ко мне приставлены?

Он вдруг подумал, что, может быть, это один из тех, его кредиторов, или они уже установили слежку за ним, чтобы не «наделал глупостей».

– А может, и приставлен, так что с того-с?

«Ага. Сам сознался, – подумал он. – И даже не скрывает. Видимо, решили уже всё. А как же договор „до завтра“? Нет, договор есть договор, до утра я свободен!»

– «Что с того-с»?! Потрудитесь объяснить, милостивый госу... – он чуть было не перешёл на язык своего собеседника и, осознав это, смутился.

– Да вы не переживайте-с так, – сказал незнакомец, – я ничего плохого вашей персоне не сделаю-с. Просто хотел оказать помощь в выборе нужной вам книги.

Последняя фраза странного человека немного успокоила его, и он начал разглядывать более пристально того, с кем имеет дело. Перед ним стоял ничем не примечательный человек, уже не молодой, но ещё не старый, с ходу нельзя было определить его возраст. Одет как-то странно. Его костюм выглядел довольно элегантно, но по стилю чем-то напоминал ретро или нечто подобное. Он был словно не из нашего времени, казалось, вообще вне всякого времени. Высокий, худощавый, он смотрел на нашего героя сверху вниз внимательно и строго, словно прокурор, серо-стальными глазами-буравчиками. Под цвет глаз были и волосы, не седые, а какого-то неопределённо-серого цвета, жёсткие, походившие больше на стальную проволоку.

– Так что ж, вы и впрямь так, совершенно не зная человека, можете точно сказать, какая ему нужна книга?

– Совершенно верно-с, и, поверьте, мне это не составит труда!

– Да как же это так? Вы, верно, экстрасенс или просто разыгрываете меня, применяя психологические приёмы.

– Да нет, всё гораздо проще, не затрудняйте себя догадками. Я же говорил, что наблюдал за вами, а наблюдение вкупе со знанием даёт ответы на многие вопросы. После того как вы вошли, я заметил вашу задумчивость. Вы выглядели озабоченным какой-то мыслью, причём явно не связанной с визитом в книжный магазин, так как уже более получаса не прикасались ни к одной книге. При этом вы подсознательно ищите подсказку именно в книге, но совершенно не имеете представления, в какой.

– Зато, как я понимаю, вы это знаете наверняка?

– Точно так-с, знаю-с, и эта книга находится прямо здесь.

– Откуда же такая уверенность? Откуда вы знаете, что надо именно мне, именно в этот момент?

– О-о, это совсем не затруднительно! В таком, ещё молодом, возрасте всем надо одно и то же, у всех одни и те же проблемы. Одно слово – молодость!

– Хорошо, тогда где эта загадочная книга, – возбуждённо сказал он и сделал нетерпеливый жест, – почему я столько времени хожу и не вижу ничего подобного, а вы вот так просто об этом говорите, будто она уже у вас в руках!

– И это очень просто: вы слепы. Поэтому и не находите её, – спокойно резюмировал незнакомец.

– Что значит слеп? Вы хотите сказать, что я ничего вокруг себя не вижу? Ни этих книг, ни хозяев магазина, ни, извините, вас? – с удивлением сказал он и подумал, что с ним разговаривает человек, который явно не в себе.

– Именно так-с, это я и имею-с в виду.

Тут наш герой не выдержал и засмеялся.

– Вы перегибаете палку! Вот они, все эти книги! Я могу их потрогать, до вас тоже могу дотронуться, – проговорил он, улыбаясь, увлекшись новой для него занимательной игрой.

– Не стоит, это совершенно не обязательно, – опередил его незнакомец. – Меня трогать вам совершенно нет необходимости. Ибо вы совершенно не понимаете того, о чём я сказал. Вы, конечно же, видите всё, что перечислили, но вы видите только форму всего этого. Ведь, согласитесь, что ни личности хозяев магазина, ни содержание книг вам не известны, не говоря уже обо мне?

– Конечно, ведь я владельцев магазина, равно, как и вас, вижу впервые. Как же можно знать то, что видишь в первый раз?

– Вы сами сейчас сказали, что обо всём, окружающем вас здесь, ничего не знаете. Следовательно, видите только форму вещей, но ничего не знаете об их содержании. Поскольку знаний об этих предметах у вас нет, значит, действовать в отношении них вы не можете, то есть, другими словами, не можете совершить никакого осмысленного поступка, так? Так. Из этого следует, что вы слепы. Поэтому, молодой человек, вы не знаете, как поступить и что делать.

– Что-то слишком мудрёно вы рассуждаете, хотя определенный смысл в ваших словах есть. Значит, следуя, вашей логике, вы утверждаете, что здесь и сейчас, находится нужная мне книга, прочитав которую я прозрею?

– И так, и не так, – ответил странный человек. – Во-первых, логика здесь ни при чём, я рассуждаю о жизни вообще. Логика – наука о правильном мышлении, способности к размышлению. А что есть правильно? Её задача – определить, как прийти к выводу из предпосылок и получить истинное знание о предмете. Логика там, где есть дважды два. Она использует абсолютное предметное мышление, но, к счастью, природа есть нечто большее. Как, впрочем, большее, чем логика, есть и вы сами, и вам необходимо познать себя. Жизнь иррациональна. В реальности в процессе мышления задействованы интуиция, эмоции, образное видение мира и не только.

Во-вторых, книга и впрямь находится здесь, но, даже если вы прочтёте её сейчас, вам не откроется весь смысл книги. Всему своё время, молодой человек! И только когда оно приходит, тогда и находятся ответы на все вопросы, тогда и наступает прозрение. Однако прежде надо потрудиться, без этого никак.

– Вы меня просто заинтриговали. Я стораю от любопытства. Где же тогда то, что мне так необходимо?

– Нет ничего проще-с! Она прямо позади вас! – твёрдо, без доли сомнения, произнёс незнакомец.

Быстрым и ловким движением фокусника он взял книгу с верхней полки и вручил ему.

– Вот, именно это вы искали, та самая книга, – пояснил он.

В руках у молодого человека оказался сверток, в котором находилась загадочная книга.

– Только прошу, не открывайте её раньше времени. Засим прощайте-с, – негромко сказал он, улыбаясь. Улыбка была такая же странная, как он сам: губы были растянуты широко, так что видны были зубы, крупные, квадратной формы, но при этом выражение его лица не стало ни приятным, ни дружеским. В глазах стального цвета промелькнула едва заметная хитринка. – И не забывайте-с, – добавил он, – всему своё время! Желая как можно скорее найти себя!

Незнакомец исчез так же внезапно, как и появился, не дав опомниться нашему герою. Он хотел о чём-то ещё спросить, но не успел.

– Чертовщина какая-то, – пробурчал он себе под нос. – Назло ему возьму и вскрою этот пакет! Ничего мне не будет!

Только он собрался разорвать упаковку, кто-то сказал:

– Вам досталась замечательная книга, поздравляю! Редкостная удача. Но не стоит её сразу открывать. – Он обернулся и увидел перед собой хозяина магазина.

– Почему же? Объясните мне, я видимо, чего-то не знаю.

– К сожалению, не могу. Знаю только, что такие книги появляются не часто, и предназначены для тех, кто их найдёт. Их действительно нельзя открывать, пока книга не даст знак.

– А кто этот загадочный человек?

– Какой человек-с? Не видел я здесь никого, кроме вас и ещё двух покупателей. Да и те давно ушли. Одни мы. Сами извольте посмотреть. – Хозяин провёл рукой, очерчивая всё пространство магазина.

Он огляделся по сторонам. Действительно, они были одни. Но всё выглядело очень странно. И это – человек-с! Может быть, хозяин устроил спектакль с одним персонажем – дурачком в моём лице? Пожалуй, с меня хватит! Они здесь все чокс-нутые, и меня хотят втянуть туда же. Сейчас, – он мысленно изобразил фигу, – только без меня. Не дождётесь!

– Понятно, что ничего не понятно, – вслух произнёс он. – Насколько я понимаю, это не подарок и, очевидно, я должен заплатить? Сколько я должен за неё, если она такая бесценная?

– Вы совершенно правильно заметили, не подарок, – кивнул хозяин. – За такой товар мы берём ровно столько, сколько он и стоит. То есть книга стоит столько, во сколько вы её оцениваете.

– Интересно, – пробормотал он, и вытряхнул из карманов всё, что у него там оставалось.

– Вы совершенно правильно поступили, – произнёс хозяин, – именно это и есть её самая справедливая стоимость.

На этом они распрощались. Он сунул свёрток за пазуху, вышел из магазина и направился домой. День клонился к вечеру, он так ничего и придумал насчет денег, вырисовывалась картина полной безысходности его положения.

Квартира встретила его своим холостяцким бытом и каким-то, как ему показалось, казённым запахом. Он прошёл в единственную небольшую комнату, вынул из-за пазухи свой свёрток и машинально положил на стол.

В комнате было всё необходимое для жизни, но устроено просто до примитивности. Стол, три стула, шкаф для белья и одежды да телевизор составляли её нехитрое убранство. Посередине стоял диван, на который он, едва найдя силы раздеться, тут же плюхнулся. Единственным украшением и гордостью, по его мнению, были многочисленные книги. Они тоже в беспорядке стояли на самодельных полках. Многие из них валялись на столе и полу, придавая пространству комнаты элемент хаоса и беспорядка.

Одиночество было его естественным состоянием. Всякий раз, возвращаясь, домой и, переступая порог, он попадал в мир мечтательных фантазий. Здесь могло произойти всё что угодно. Сквозь стену мог войти какой-нибудь путешественник по времени с рюкзаком за спиной, и, даже не напугав его, пройдя через всю комнату, а иногда и прямо через диван, и лишь поздоровавшись, выйти через противоположную стену. Где-то там, в углу потолка, мог сплести свои сети большой паук и потом, моргая огромными глазницами, гипнотически вызывать на разговор. Но только стоило заговорить с ним, как он начинал корчить противные рожи, а затем, вдруг почему-то обидевшись, уползал восвояси. Да мало ли что могло тут происходить, всего и не упомнишь... Бывало, такое увидишь – аж дух захватывает, хоть роман пиши! Иногда он даже пытался всё это переложить на бумагу, бежал к столу и... Сюжет буквально

разваливался всякий раз, как только напрягался его ум. Даже, скажу по секрету, приходила она. Да-да. Пусть меня простит наш герой за интимные подробности, это была она. А почему бы ей не быть? Это же несправедливо: он есть, а её нет? Это только у них там – there is the West³, он может быть с ним, или на худой конец – *cherchez la femme*⁴. У нас ведь, как уже было сказано, всё иначе: сама приходит (когда её совсем не ждёшь). Так и здесь – придёт откуда ни возьмись, сядет рядом и молчит. Губки надует, глазками стреляет, а как заговорить, так хоть тискамы вытаскивай. Это только потом он понял – сам должен догадаться, чего она хочет. Психология... До психологии ли тут, когда сплошные происшествия кругом творятся! Надо ведь за порядком следить, а то натворят чего-нибудь всякие тут...

Его бурная фантазия могла определить два пути его будущего, два полярных места в социуме: жёлтый дом либо литературная известность. Но первое как-то особо не привлекало, а второе всё не получалось да откладывалось. Так вот и жил – то случайными заработками, то от кредита к кредиту. Хотя ВУЗ, конечно, окончил и, надо сказать, с отличными оценками. Подавал большие надежды как историк, и даже аспирантуру предлагали, но не сложилось...

Сегодня мысли не позволяли ему отклоняться от «злободневной темы», сужали горизонты его комнаты до точки вселенского взрыва, поэтому «шаловливые персонажи» – сожители не спешили дать разгуляться его неуёмному воображению.

«Что делать? – думал он. – Знакомый вопрос ещё с XIX века. Вон они – классики, все здесь собрались, – оглядел он своё богатство. – Всё-то они знают, на всё имеют ответы, но молчат. Вот и первый из них, так сказать, зачинатель всего – Александр Сергеевич. Ведь с него всё началось, а потом внезапно закрутилось, завертелось и понеслось – Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой... Что молчат? Почему не скажут: что это за жизнь? Целые тома исписаны, а ничего не меняется – всё те же персонажи, всё те же проблемы, а решений нет. Вот какой совет дал бы мне Фёдор Михайлович, – спросил он себя, глядя на томик Достоевского, – не быть „вошью дрожащей“? А кто она такая, эта вошь? Может быть, в то время она и была дрожащей, а нынче совсем наоборот: оглянешься вокруг, так одни вши и бродят, причем вовсе не дрожат. И откуда только взялись на нашу голову?»

Тема о вшах увлекла его своим философским рассуждением, и он вдруг вспомнил, что совсем недавно пролистывал старенький, дореволюционного издания, сборник народного творчества, где попалась ему на глаза небольшая заметка о вшах. «Как кстати, – подумал он, – совсем недавно я читал её и теперь вот об этом же и рассуждаю. Наверное, не просто так это произошло». Он задумался и постарался припомнить тот текст: «Когда Бог сотворил первых людей, то они были чисты и не знали, что такое вши. Но одна баба с дочерью, мучась бездельем, как-то раз сказала: „Ах, Боже ласковый! Нет у меня работы; дай ты мне, Боже, с неба хоть казюлек, так я их буду бить“. Бог на неё разгневался и послал ей целую жменю вшей, и они так расплозились, что они с дочкой не могли их перебить. Из-за неё вши расплозились по всему свету...»

Он задумался: – «Хм, а ведь действительно люди когда-то были чисты. Чисты в своих помыслах и деяниях, а в безделье – завшивели. Значит, вот откуда взялась эта вошь – от нашего духовного безделья! Да, мудр наш народ, всё, оказывается, знал, только мы теперь всё забыли! Вот она откуда взялась – от Бога, это наказание за то, что перестали свой долг перед ним исполнять. Именно так в народе и полагали. А дрожащая она оттого, что знает – только человек это поймёт, конец ей. Вот и притаилась. Но в том-то и проблема, что крепко она обосновалась. Так крепко, что теперь думает, будто она и есть сам человек. А знает ли сама, что она вошь? Где там! Вон, в дорогом автомобиле, – посмотрел он в окно, – не вошь ли сидит? Покуривает себе свою сигарку, сигналит, разгоняя прохожих по тротуару, дороги ей мало, и довольно так улы-

³ Там на западе – (англ.)

⁴ Ищите женщину – (франц.)

бается во всю свою вошь пасть! Ну не вошь ли? Она самая! Отборная, наглая, бессовестная вошь! А попробуй ей замечание сделай, такое начнётся! Другие вши прибегут на защиту да всякими «корочками» перед носом размахивать начнут. «Ты кто такой вааще, чтобы указывать нам?» – заголосят. Стало быть, вошь с «корочкой» – это уже не просто вошь, а супервошь, вошь в квадрате. Вошь в законе. А не завшивела ли совсем Россия? Вот как может быть стоит вопрос.

И вправду, – представил он, – спросят меня такие вши: «Да кто ты есть такой?» Что отвечу? Вот кто я такой? Когда в человеке не видишь Человека, то кем он может быть? Вошью? А для вши и убить не преступление. Даст ли, например, ответ Феофилакт Косичкин, он ведь, как известно, всё знает?»

Тут он быстрым шагом подошёл к своим драгоценным полкам, схватил томик Пушкина, открыл на первой попавшейся странице и прочитал:

И так он свой несчастный век,
Влачил, ни зверь, ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света
Ни призрак мёртвый...

– Вот тебе и на, что же это значит? – воскликнул он и подумал: «А значит ли это, что я, ни зверь, ни человек, влачу свою жалкую жизнь? Нет, и не жизнь даже, поэт не упоминает о ней. Да, о жизни так нельзя – слишком велика она, чтобы зверю или кому-либо ещё жить. Жить может только Человек! Но кто это? Кто я?»

Он сел за стол, на котором лежал чистый лист бумаги, и задумался о чем-то новом, неизвестном. Им завладело какое-то сильное, незнакомое до этого момента чувство. Он схватил ручку и бешено, без остановки, будто под диктовку, стал набрасывать на листе строчку за строчкой:

Я день за днём свой стих сплетаю
О чем пишу? – Совсем не знаю.
Порою просто так – болтаю,
Но чаще все-таки слагаю,
Какой-то нити дивный путь:
Быть может быть, когда-нибудь
Его я точно распознаю.
И плана вечного открою суть,
Когда-нибудь... Когда-нибудь...
Что стоит в вечность окунуться?
Глаза закрыть и обернуться:
Хоть князем, с воинством своим,
Хоть райским змием, хоть благим,
Отшельником, бродягой иль злодеем.
Я мог быть – редкостным затеем.
А буду кем? – Кем захочу!
«Но то дорога к палачу!» —
Так скажет мне отец – наставник,
А позже спросит брат – привратник...
На что мне эти приговоры,
Нравоучения и споры.
Монетой звонкой заплачу.

Судьбой своею сам верчу.
Ведь молод я. Мой мир – просторы,
Богатства брошены к ногам,
И мысль одна – всё это нам.
Бери, хватай и наслаждайся.
Ну что, мой друг... – да не смущайся,
Забудь про бранные года,
Они пусть мчатся в никуда.
Шальными, пьяными конями
Промчатся праздными словами,
Но только их недолог путь,
Опять же, вновь, когда-нибудь...
Придётся сделать остановку,
Познать ослиную морковку,
Руками голову обнять
И помолиться раз так пять.
И вскинуть голову и руки,
Небес внимать... плоды разлуки...
А дальше вечность вопрошать,
Её немислимые муки —
И тело вечно бичевать.
.....

«Ну что, мой друг! Да что за бредни! —
Воскликнешь мне, садясь к обедне, —
Не время нам вечеровать,
Ещё от жизни можно брать:
И то, и сё, и так, и этак.
Когда придёт пора таблеток,
Мы хитрый план свой воскресим
И всё по счёту возместим.
На то ли движем мы науку,
Чтоб нагонять, как прежде, скуку...»
Устал я, впрочем, от речей.
Пойду в кабак – гонять чертей...

– Вот это да! – воскликнул он, откинувшись в изнеможении на спинку стула. – Что это было? Что за поток сознания прошёл сквозь меня? А может, это кто-то вступил со мной в разговор? Не сам ли это А.С. меня посетил? Ха-ха, что за шутник!

Вопросы сыпались один за другим, но искать ответы уже не было ни сил, ни желания. Назойливая мысль снова дала о себе знать и возвращала его с небес на землю. «Ты что, забыл? – спросил он себя снова. – Что за чушь ты себе надумал? Что за бредни ты несёшь? Ты вообще в уме? Хочешь кресло-каталку и всю оставшуюся жизнь (если тебе ещё позволят) крестиком вышивать или конвертики клеить? Проснись!»

Как будто током его ударило. Он вновь вспомнил о своём незавидном положении, которое тут же нагнало тоску. Машинально он взглянул на исписанный лист и прочитал концовку.

– Надо же, само провидение даёт мне ответ. Что мне остаётся? Пойду-ка, действительно, да и напьюсь. Так, по крайней мере, отвлекусь. Не вижу выхода, не вижу! Конец так конец,

будь что будет! Авось и пронесёт, ведь есть же у меня ещё в запасе наш вечный и незаменимый авось!

Думать о проблемах уже не было сил. Они, словно оттиском созданного кем-то типографского клише, штамповали в его сознании одни и те же мысли о безысходности ближайшего будущего всячески опустошая его и лишая всяческих перспектив, пока в конце концов, окончательно не измотали его физически. «Придётся прибегнуть к проверенному народному средству: разбавить это образовавшееся внутри море печали напитком покрепче и создать себе, пусть может быть и последний, праздник жизни», – подумал он. Тут же, больше не раздумывая, подошёл к шкафу, запустил руку в привычное место и выудил из него последние оставшиеся на чёрный день купюры. «Завтра они в любом случае меня не спасут», – глядя на них, без всякого сожаления на их наметившуюся бессмысленную потерю, подытожил он для самоуспокоения.

Вечерело. На фоне сумерек ещё ярче разгоралась иллюминация увеселительных заведений, завлекая не уставших от выходных посетителей. Искать место, где можно было бы выпить, не требовалось: «кабаки», как он их называл, не видя разницы между кафе, рестораном или другой питейной забегаловкой, все находились на виду у любого алчущего.. Однако, по собственным его наблюдениям, количество таких мест приобрело странный характер – с окончанием недели явно ощущался их дефицит, а в рабочие дни они, вдруг громоздились один на одном, создавая избыток предложения, зазывая прохожих скидками на ланч. Он зашёл в первый попавшийся. В углу ресторана ему приглянулся столик. Присев за стол, он огляделся вокруг: посетители ресторана, в основном молодые люди, сидевшие за столиками небольшими компаниями, располагались по гендерному признаку, что указывало на начальный этап их вечернего randevu. Громкие разговоры и смех раздавались со всех сторон. Девушки, как обычно, испытывали друг друга на зависть, пытаясь восхитить своих подружек новыми украшениями и нарядами.

– Вчера я ясно дала понять своему, что пора определиться с нашими отношениями. И что вы думаете? Потачил меня в ювелирный и купил ещё одно колечко! Вот! – демонстрировала новое кольцо, с недовольным видом протягивая к подругам руку, симпатичная молодая особа. – Ну, кому они нужны? – надув свои пухлые губки с призрением произнесла она, глядя на свои украшения, и в самом деле изрядным количеством осаждавших её пухлые пальчики. – Надоел уже своими подачками! Как только завожу разговор о принятии решения, он, словно собака Павлова, инстинктивно бежит за подарком! Надоело ждать, – надувала она вновь и вновь свои алые нежные губки, всем своим капризным видом показывая превосходство над мужчиной. – Ну, ничего, я его всё равно добыю!

– А мой папа, – перебивала её другая, делая ударение на последний слог, так что сразу не было понятно, о ком она говорила, то ли об отце, то ли о взрослом любовнике, – подарил мне вчера платье! Знаете, девчонки, сколько стоит, не поверите...

Парни же говорили больше о деньгах – кто, где работает, какой имеет доход и какие перспективы. Особая тема – это тачки. Кто поспорит в нынешнее время, что у нормального мужика должна быть крутая тачка, как же иначе. Ведь иначе это вообще не мужик, не правда ли.

Полёт мужской мысли в этом вопросе зависит только от толщины кошелька. В нём рождается, живёт и умирает молодое мужское эго. Оно неизменно в этом смысле, по крайней мере, последнюю тысячу лет. Если бы мы находились сейчас в тех далёких временах, то и тогда убедились бы в этом, поскольку разговор шёл бы о коне. Прогресс поменял последнего на машину, но мужчина не изменил себе, разве что многократно умножил в железном коне лошадиные силы. С древних времён он выбрал идеальным объектом воплощения своего разума это великолепное животное. Что-то неведомое породило мужчину и коня, метафизично слило их вольные стихии в единое тело кентавра.

Ну, скажите, случилась бы, например, знаменитая сделка Печорина, если бы не эта странная метаморфоза в мужском сознании? Но сегодня даже и это невозможно – идеальный объект превратился в его бездушную копию. Автомобиль для мужчины стал тем же, чем для женщины и сам мужчина. Как-то всё странно смешалось в этих машинно-гендерных отношениях...

Официанты старались, назойливо предлагая горячительные напитки, и вот-вот должен был наступить тот самый момент, когда алкоголь разбудит половые инстинкты. Мужчины, наконец, проявят свой интерес к противоположному полу, и природа (благодаря новому богу – Градусу) возьмёт своё.

«Чем привлекают нас подобного рода заведения? – подумал он. – Что они дают нам такого необычного и притягивают словно магнит? Каждый здесь находит своё: один решает поделиться радостью и весельем, а другой стремится заглушить горе и тоску. Все находят здесь утешение».

Насколько древние греки, первые, кто познал пьянящий вкус забродившего винограда, хитро обошлись со своими традициями! Много таинств предназначалось для посвящённых, но одно объединяло всех. С незапамятных времён люди знали о двойственной природе человека, но с веками всё тяжелее было им осознавать и открывать друг другу свои истинные начала. Что-то самое главное утопало в трясине желаний человеческой плоти. Они перестали быть подобными Богам. Пришёл к ним Дионис и напомнил им об их главном секрете, а чтобы легче им было высвободить своё бессмертное Я, предложил испить из своего божественного кубка. Так научились люди на время покидать темницу своей души и в страстном круге хорова объединяться в единое целое. И сам Дионис со своими Сатирами рад был раз в три года присоединиться к этим мистериям. Но показалось людям, что слишком редко происходит такое торжество, переняли искусство виноделия и всё чаще стали злоупотреблять таинством, а потом и вовсе забыли строгие каноны обряда.

«Кажется, так было у них, – заключил он, живо представив первый попавшийся на ум образ какого-то древнего грека с кубком вина в руке. – Но кто, собственно, придумал, что питье – есть веселье на Руси? Не было у нас такой культуры изначально. Изречение: «Пить – здоровью вредить», кто-то поменял на расхожее: «Выпьем на здоровье». Было и у нас время, когда тело наше «раскрывалось» в банях на травах да в застольях на квасах. Нет, нечто другое вовлекло в пьяный разгульный танец Русича. Не Дионис, он же Бахус, держал его за руки – дьявольский экстаз стал его вдохновителем. Черти теперь раскачиваются и куражатся вместе с ним, отбивая на полу такт своими копытцами. Все они здесь собрались, за каждым посетителем уже стоит рогатый. Ещё немного, и начнётся плотская потеха. А не есть ли кабацк наш новый храм? – сверкнуло в пылу его рассуждений. – Вот уже воскурен кальян; со звоном стекла и хрусталя расставлены обрядовые сосуды; надели свою униформу служители, и прихожане, под выпитые первые сто грамм, готовы исповедоваться. Постепенно ритуальный накал эмоций и пьянящей эйфории пустит ноги в пляс под вечно застольную «цыганочку»:

И ни церковь, и ни кабацк —
Ничего не свято!
Нет, ребята, всё не так!
Всё не так, ребята...

Да и прихожанин сюда идёт значительно охотнее, отдохнуть душой и телом, и денег на то совсем не жалеет. Священная мертвечина приправленных специями котлет, шницелей, кровавых стейков и шашлыков раскроют вкус настоящей жизни. Время потеряет всякий смысл – жизнь утонет в празднике похоти и иллюзий. Стрелки часов жизни всегда в таких местах крутятся в обратную сторону».

Казалось, никто не замечал, как обратно идущее время весело и нещадно выкрадывало из их молодых жизней предстоящий день. Всё быстрее поглощались снадобья, пустели фужеры и рюмки. Лица официантов сливались, словно в одной ускоренной съёмке незатейливого по сюжету фильма, сценарий которого годился на все случаи жизни.

За этими наблюдениями и мыслями он не заметил, как опустел и его стакан, и взгляд упёрся в холодное и немое стеклянное око. Но услужливая рука тут же подлила новую порцию, и око тут же превратилось в его собственный отражённый глаз. Живот наполнился знакомым теплом – предвестником скорого опьянения. Жизнь приобретала иной – беззаботный и благодатный смысл. «Жизнь хороша...» – протяжно зашумело в голове.

Он почувствовал признаки наступающего блаженства. «Ну его к чёрту!» – вертелась по кругу одна бесконечная мантра. Его вполне удовлетворяло это упокоенное одиночество, но скучать, впрочем, пришлось недолго...

Глава 2

Клетка

*В действительности всё иначе,
Чем на самом деле.*

Антуан де Сент-Экзюпери

Итак, утром... Чтобы не трудиться описывать, что было утром, а заодно не утруждать вас, дорогой читатель, монотонной писаниной, вернёмся заново к началу рассказа. Наш герой был неисправим в своих слабостях и те, в свою очередь, отвечали ему неизменным постоянством и взаимностью. Да-да, этим утром всё было именно так, как и в прошлый раз, и, впрочем, как всегда в таких случаях. Именно поэтому и не стоит повторяться и заставлять снова перечитывать эти уже известные вам строки. Хотя, всё же стоит поправиться: по крайней мере, всё было так же в начале утра. Опять те же мысли, опять она. И всё могло быть так же и далее, если бы не настойчивый стук в дверь, переходящий в громкие, тяжелые и затяжные удары в неё ногой, так что нижняя часть её отлетала каждый раз всё дальше от порога.

Из подъезда послышались грозные голоса и ругань. «Открывай, урод, заждались уже!» – донесло до его ушей чьим-то громогласным возгласом, подкреплённым для верности и устрашения отборным матом.

Он стоял посреди комнаты и судорожно думал, как поступить, но чувство самосохранения машинально отреагировало на ситуацию всплывшим в голове словом – побег. Оставалось лишь мгновение, чтобы прихватить с собой что-нибудь из одежды, прежде чем окунуться в бездну неизвестности. Дверь квартиры уже не выдерживала натиска опасных гостей и готова была пасть, оставались лишь считанные секунды, чтобы решительно порвать связь с опостылевшим прошлым и бросится без сожаления в непредсказуемость новой жизни. Край глаза ещё успел зацепить два ворвавшихся в комнату силуэта. – Эй ты, сучка, – кричали они, искажая лица злобными гримасами, – где спряталась эта мразь! Один из них схватил девушку за волосы. Раздался женский визг, слившийся тут же с чьей-то несвязной грубой бранной речью...

Было ясно – беззаботная жизнь закончилась, наступала другая, полная тревог и приключений. Он схватил куртку и выпрыгнул в окно на кухне. Первый этаж не был столь уж высоким, и он благополучно приземлился на запорошенную ночным снегом землю. Будто птица, выпорхнув из клетки, он покинул пределы своей квартиры. Теперь бежать, и бежать быстро, только и мелькала, в пульсирующей мощным кровотоком голове, одна спасительная мысль.

Воздух был порван в клочья вырвавшимся из груди сердцем. Однако сзади уже чувствовалось чужое, жаждущее жертвы, дыхание – они настигали. Он знал, что они не отстанут. Слишком далеко зашло дело. В то же время он, в этой бешеной кутерьме погони, он почему-то ясно осознавал, что это противоречие возникло не между ним и противной стороной, а между его застойной жизнью и необходимостью освобождения от мчащей его по нисходящей спирали судьбы. Решение было принято. Ситуация позволила вырваться наружу его природным инстинктам, и они гнали его по кривым переулкам города. Громкие голоса доносились из-за спины: «Он свернул налево. Давай обходи его по другой улице». Они пытались разделить и расставляли всё шире свои «надёжные» сети. Но зверь, загнанный в угол, уже лишён страха, его единственного предателя и врага.

«Не догонят... „Дырку им от бублика, а не Шарапова“ – не терял он духа, вспоминая фразу из знаменитого фильма про бандитов. – Ха-ха... Если в голове рождаются шутки, значит, точно не догонят...»

Он бежал всё быстрее и чувствовал, что его разбирает неестественный, граничащий с истеричностью, смех. Смех от нелепости положения, от своей внутренней опустошённости и глупой беспомощности его преследователей, которых было искренне жаль. Каменные оковы улиц, удерживавшие его своей однообразной жизнью, не могли больше сдерживать его порыва. Он видел, как серые тона их стен сменялись новыми красками. Словно пробегая сквозь временной портал, он мчался навстречу другим домам, другим улицам и кварталам, навстречу другим людям, другому городу. Ещё мгновение – и он ворвётся туда всем своим сознанием финишёра, пересекающего последний рубеж. Но можно ли неотвратимо оторваться от прошлого? Куда вдруг исчезнут сплетённые им же самим сети этих порочных связей? На протяжении долгих лет он крепко завязывал их узелки, скреплял клятвами, обещаниями и долгами. Сколько кредитов ему было выписано жизнью? Неужели теперь ему дан какой-то особенный шанс покончить с этим без оплаты по счетам?

Но вот кончился лабиринт переулков, и он выбежал на простор городского проспекта. Было понятно, что ему удалось оторваться от преследователей на приличное расстояние. «Куда теперь? – уже слегка уставая, думал он. – Здесь я вынужден бежать у них на виду. Смешаться с толпой? Нет, рано или поздно они найдут меня...»

Но тут на ближайшей остановке он заметил отходящий автобус. Собрав последние силы, он прибавил ходу и замахал руками водителю, чтобы тот подождал. «Успею, успею, – мелькало в голове, – не может быть, чтобы не успел!» И вот его нога уже на ступеньке спасительного автобуса. Дверь захлопнулась, и огромные колёса с ускорением двинули асфальт в обратном направлении. Он стоял у заднего стекла и видел, как запыхавшиеся преследователи сбавили темп, и перешли на ускоренный от быстрого бега шаг. Всё было кончено. Радость победы переполняла его. Машинально он начал корчить рожи своим неудачникам и показывать фиги: – «Вот вам, вот... догнали, да. Как бы ни так!» Наконец, успокоившись, он решил выяснить номер автобуса, чтобы определиться, где выйти, и обернулся. Но ещё до того, как он обернулся, его удивила гробовая тишина в автобусе, хотя салон был полон людей. Все места были заняты. Пассажиры сидели в полном молчании, смотря в окно, с каким-то приклеенным взглядом, на мелькавшие всё быстрее виды улицы, и это показалось особенно странным. Он подошёл к ближайшему из них, дотронулся до плеча и произнёс ещё сбивающимся от только что конченного быстрого бега голосом: – «Извините, не подскажете...»

В этот момент все, кто находился в автобусе, как по команде обратились в его сторону. Их вид его изумил и напугал – они все были уродами и калеками. Он похолодел. Чувство страха, липкое и душное, перехватило дыхание. Он много видел подобных людей на улицах города, где они просили подавание. Ждавшие милостыни и молившие, они всегда появлялись из ниоткуда ранним утром и так же таинственно исчезали вечером в никуда. Он не раз подавал им мелочь, накопившуюся в карманах. Но здесь было нечто иное. Шрамы, гнойники, синяки и порезы окружали его. На него смотрели ужасные, исковерканные лица, поражённые разными недугами, кто одним, кто двумя глазами. Многие из них не имели ног или рук, но те, кто мог ходить, уже поднимались со своих мест и двигались ему навстречу. Он невольно отшатнулся от них и упёрся в заднюю стенку автобуса, так что казалось, продавил в ней изрядную вмятину. К нему, словно в каком-то фильме ужасов, тянулись руки с желтоватыми пальцами, длинными грязными ногтями. Они хватали за его одежду, тянули к себе и подбирались к его шее и лицу. Чей-то, отдающий вонью оскал, щёлкнул гнилыми зубами прямо возле его уха, а гнойная слюна повисла на его щеке. Теперь казалось, что он запрыгнул не в автобус, а в какой-то узкий, погружённый во мрак склеп на колёсах. Через секунду он вынужден был опуститься на колени и был полностью поглощён этой страшной болезненной плотью, смешавшейся в одну огромную массу.

– Что за чёрт, что за скотство! Что происходит! Кто вы такие? – пытался кричать он, отбиваясь руками и ногами, но силы иссякали, а голос тонул в какой-то безвоздушной пустоте. Он

задыхался, сердце трепетало из последних сил, и вскоре, тяжело вздохнув, он потерял сознание...

Нельзя было ничего понять, когда он открыл глаза. Одно можно было сказать с уверенностью: он ещё жив, по крайней мере ему так казалось. Его взгляд упирался в давно не беленый потолок. «Ведь не может же быть такой потолок в Раю? – оценил он. – И даже в Аду такого не сыщешь. – Критически мелькнула мысль, подразумевая, что Рая он может быть и недостойн. – Нет, такой потолок может быть только в среде живых людей». Он лежал на полу и боялся пошевелиться, так как был не уверен, все ли с ним в порядке. Справа и слева виднелись стены с частично отвалившейся штукатуркой и оголившейся из-под неё старой кирпичной кладкой. Впереди вместо стены находилась огромная массивная решётка. «Да, это точно людской мир, в иных мирах решёток не бывает», – утвердился он в своём мнении. И ему даже в голову не пришла мысль, откуда он мог знать, как там, в других мирах. Теперь, определившись с главным, он напряг силы и резким движением придвинулся к стене, а затем забился в угол. Помещение было не большим – шагов десять в длину и восемь в ширину. Оказалось, что лежал он на подстеленной соломе, брошенной в углу. Трудно было сразу понять, как он сюда попал и сколько времени здесь находится. Сквозь небольшое зарешеченное окошко, расположенное высоко над головой, пробивался солнечный свет, поэтому с уверенностью можно было сказать, что был день. Воспоминание о недавно произошедшем событии начинало прояснять некоторые подробности, но больше приводило к вопросам без ответов.

«Где я? Что происходит? Кто это всё организовал и что значит?» – возникали они один за другим. – Неужели это всё было подстроено заранее, и меня просто загоняли в ловушку, как зверя? – просыпалось его бурное воображение. – Нет, эти бараньи головы (подумал он о своих преследователях) на такие хитрости не способны. Вот избить могут. Руки, ноги переломать могут, но такие спектакли устраивать – кишка тонка! Значит, тут что-то другое. Может, всё проще – я сошёл с ума? Нет, не похоже это заведение на психбольницу. – Заключил он и продолжил: – Так, рассуждаем логически – всё, во что я вляпался в том жутком автобусе, не может существовать на самом деле». – Он оглядел себя с ног до головы и не нашёл никаких признаков насилия над собой: ничего не ныло и не болело. Всё было, как в тот день – та же одежда, причём целёхонькая, только слегка помятая. «Хорошо. Что из этого следует? – продолжал мысленно он. – Похитили инопланетяне? – высказала свою версию его бурная фантазия. – Хм... У них что, на звездолёте устроены такие клетки, или я уже отбываю срок за плохое поведение и нахожусь на другой планете? Что-то она сильно смахивает на родную Землю, только здесь можно встретить такой бардак. Тогда я попал во временной портал и сейчас нахожусь в неизвестном месте в неизвестное время – в параллельном мире. Нет, наверное, всё-таки в известное – испанская инквизиция! Вот так повезло! – Значит, пытать будут?! Бред какой-то. Всё не то. А-а, знаю! Это такой новомодный quest⁵ или adventure game⁶. Кто-то явно втянул меня в подобное мероприятие. Да, точно! Не может быть иного. Но как это случилось? А вот как, – начал воображать он, – в момент моего побега я, по ошибке вместо кого-то, заскочил в автобус. Тот, другой, видимо, должен был оказаться именно в это время и в этом месте, и дальше с ним должно было случиться забавное приключение, условия которого придумали его организаторы. Изрядно пощекотав нервишки, эти игры, как правило, заканчиваются благополучно. Все эти люди в салоне автобуса – просто одетые в костюмы актёры, и они играли свои роли. Следовательно, мне нечего опасаться, а просто надо следовать сценарию и ждать окончания этого шоу. Наверняка где-то здесь установлены камеры наблюдения. Но ведь это просто отлично и прямо мне на руку. Пока я в игре, мне не надо заботиться о том, где скры-

⁵ Квест

⁶ Приключенческая игра

ваться и как поступать! Я просто пересажу некоторое время, что меня очень даже выручит. Надо притвориться, что я и есть тот самый участник, и никакой подмены не произошло».

От таких позитивных мыслей его внутреннее состояние значительно улучшилось, и он приободрился. Оставалось только спрогнозировать вероятный сюжет этого спектакля. «Очевидно, он, ну, вместо которого я, должен играть роль какого-то узника, типа графа Монтекристо! Великолепная догадка! Возможно, я с ходу попал в цель! – озарила его своей простотой мысль. – Значит, моя задача – совершить побег. Надо осмотреться, должны быть подсказки на дальнейшие действия».

Первым делом он подошёл к решётке и, навалившись на неё всем телом, попробовал на прочность. Но всё было надёжно: петли глубоко уходили в стены, не было никаких надпилов или ослаблений; на входной двери висел массивный замок, тоже не имеющий видимых признаков возможности его снять или открыть. Здесь всё было надёжно. Единственное окошко тоже не подавало надежды, так как располагалось слишком высоко. Он начал ощупывать стены, надеясь найти ослабление кладки. Тоже нет. Тогда – пол. Подкоп, как описывала его приключенческая литература, для подобных персонажей всегда был верным средством побега. Но и здесь не было шанса. «Ну что ж, на первый взгляд, не всё так просто, как казалось, – бормотал он. – Надо подумать, видимо, загадка с секретом».

Вдоль клетки влево и вправо тянулся длинный коридор. Отсюда же, через арку, расположенную напротив, направлялся ещё один отрезок коридора и сразу исчезал в кромешной тьме. Сколько он ни пытался вглядываться в глубину этих потёмков, так и не смог определить, для чего было это ответвление и куда оно вело. Прямо у развилки этих помещений на стене был прикреплен факел. Тускло пытаясь лёгкой копотью, он больше освещал собственное пространство, чем помогал разглядеть расходящиеся в стороны коридоры. «Интересно, – подумал он, – учёные говорят, что свет распространяется со скоростью света. Но почему же он тогда не может проникнуть глубже и оставляет нам столько тайн? Но природа точно знает, что там – в темноте, вне света. Значит, у неё должен быть свой особый свет, открывающий вечную истину. Кем же он распространяется? Да... Свет всё-таки есть ещё великая загадка человечества».

Всё, что удалось ему рассмотреть поблизости, позволяло сделать первый не очень обнадеживающий вывод – около него нет ни единой души, и от этого ему стало не по себе. «Похоже, весь этот квест не такой уж и безобидный», – с тревогой подумал он и стал ходить взад и вперёд, пытаясь придумать новые версии происходящего.

Трудно было предположить, к какому разряду относилось строение в целом. Это могли быть и крепость, и бункер, и заброшенный склад. Наверное, мало кто знает о его существовании, но и следов полной запущенности не заметно. Создавалось впечатление, что периодически здесь наводился порядок. Воздух был чист. Как бы то ни было, пространство клетки становилось теперь его единственным местом пребывания на неопределённый срок, на неизвестных основаниях и условиях.

«Кстати, что в контракте по поводу харчей? – сбил его размышления позыв голода. – Неужели ко всему голодом морить будут?» Такие условия содержания его точно не устраивали. «Война войной, – как говорится, – а обед по расписанию». Возникали и разного рода бытовые вопросы, на которых он решил пока не останавливаться. Общий вывод предполагал, что в таких спартанских условиях он точно долго не протянет. «Жёсткий сценарий. Это уже не для слабонервных, а впрочем, как раз для устрашения городского обывателя, привыкшего к тёплому комфортному клозету. Наверное, именно так и надо щекотать его изнеженные нервы, – промелькнуло в голове в оправдание действий невидимых организаторов. – Теперь эта роль выпала мне. Хочешь – не хочешь, а надо обустроиваться и довольствоваться тем, что есть».

Время шло, и его неугомонный ум всячески пытался вырваться из-под контроля. Он скакал как бешеный из одной крайности в другую. То он предполагал благоприятный для себя

исход – постепенное раскрытие тайны заточения, сопровождающееся загадочными приключениями и, возможно, поиском клада. При этом он точно видел развязку с получением какого-нибудь приза или солидного куша (мучения должны вознаграждаться). То вдруг придумывал совсем ужасные вещи – его забудут в этом каменном мешке, и жизнь закончится в страшных муках и страданиях...

А вот вы бы, дорогой читатель, что представили на его месте? Живёте себе относительно сытой и безопасной жизнью, а тут бац – сюрприз. Не верите в такое, а зря. Значит, вам ещё не ведомо, что такое судьба, особенно русского разлива. А прислушайтесь к тому, что рассказывают вам друзья, знакомые или случайные встречные: в магазинах, больницах, городских и сельских управах, школах и институтах, на остановках, в такси. Впрочем, не важно, где. Бывает, и сосед, пока поднимаешься с ним по лестничной клетке, такое поведаёт...

Хочешь – верь, хочешь – нет. Да только ведь всякое на Руси бывает. Стоит только освободить уши от собственных мыслей и проблем, многое услышите, узнаете и переживёте вместе с рассказчиком такого, что ни словом передать, ни пером описать. Вот где откроются просторы, то бишь порталы закованных в своих квартирах душ! И романы писать не потребуется – идёшь, например, по улице, а вокруг в режиме online на жёсткий диск прошлого производится запись захватывающего своей одновременной драматургией и комичностью фильма под названием «Жизнь». Дух захватывает! Только ловишь иногда себя на мысли, какие колоритные персонажи, правда, сюжет уж слишком однообразен, и время словно застыло.

Вот, тот самый некрасовский мужик, он так и стоит в своей молящей позе напротив губернской управы, ломая шапку. А гоголевский чиновник смотрит на него в окно и ухмыляется: «Уж двести лет прошло – а всё стоит! Плакат какой-то притащил. И чего ему надо, чего не хватает? Может, выпороть для порядка? Не поротый народец ведь всякой глупой мыслью может быть движим. А, то ещё, какая баба сдуру, на что-нибудь его надоумит. Вот и придёт, а спросишь чего пришёл, так и не знает что ответить, а только всё кланяется. Нет, не порядок, не порядок... Эй, А., как его там..., МОН! Вышвырните его, наконец, куда подальше! Да укажите – когда надо будет, сам позову!» И идут они, солнцем палимы, чуть видны, остались их сгорбленные спины, пропадающие в туманной пелене времён.

Судьбы, судьбы. Судьба Руси – России! Так и движется размеренно караван звёзд, возвращаясь всегда в исходный пункт. Ведь вот как: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться...».⁷ Верите вы во что-нибудь или нет – всё равно, потому что – бывает, всё бывает, потому что – Судьба...

Ну, да ладно. Оставим. Веками ждёт народ милости, а надежда всё жива. Она, как известно, умирает последней, но здесь, как-то слишком долго она умирает. А вдруг она и вовсе не умирает, вдруг она бессмертна? Что тогда?

Но что-то наш герой заскучал. Не натворит ли ненужных дел от излишнего возбуждения, во время нашего отсутствия, из-за этого неожиданно и странно, налетевшего на ум отступления? Похоже, что нет. Он опять сидит в углу своего тесного вынужденного убежища. А день уже проходит. Потускневший за решёткой свет указывал на вечер. В коридоре сгустился мрак. Свет факела с трудом протискивался сквозь решётку. Одиночество начинало тяготить, и он решил: «Надо думать о лучшем. В жизни не бывает ничего плохого – что ни делается, всё к лучшему!»

В глубине прохода послышалось какое-то движение. Всё время вокруг стояла неестественная тишина, но в этот момент можно было точно сказать – что-то живое приближается к его клетке. И действительно, звук усиливался. Тяжело шаркая ногами, из глубины коридора появился человек.

⁷ Екклесиаст 1:4—9; 12:5

«Ну вот, я же говорил! – радостно зазвучало в голове, – похоже, наконец, сейчас всё прояснится!»

Но уже через минуту его излишний оптимизм поубавился. У решётки стоял персонаж, увидеть которого он явно не ожидал. Это был плотный, коренастый мужчина с бронзовой кожей и рыжеватыми волосами. В его мощной фигуре, сильной шее и большой голове угадывалась недюжинная физическая сила. Наверное, он мог бы одним ударом уложить взрослого быка. На нём был надет костюм то ли шута-скомороха, то ли средневекового жителя. На поясе висел большой нож.

«Ага, маскарад продолжается! Ну что ж, посмотрим, что это за комедия», – подумал арестант.

В руках незнакомец держал железную тарелку с куском хлеба и кружку с водой.

«Негусто тут подают», – обратил на них внимание он.

Их взгляды встретились.

– Здравствуйте! – наконец пробормотал он, не зная как правильно отреагировать на его появление.

Незнакомец молчал, будто не слышал или игнорировал его приветствие. Наклонившись своим грузным телом, поставил на пол ужин и, выполнив эту обязанность, собрался двинуться в обратном направлении.

– Эй, дружище, – попытался изменить тон узник, – не кажется ли вам, что надо бы объяснить?

Но всё было напрасно – его слова улетали в пустоту коридора без ответа.

– Стой, объясни, что происходит! – закричал он вслед удаляющейся спине. – Чудеса, да и только – глухонемой охранник. Я буду иметь дело с ходячим, безмозглым, безответным и бесчувственным телом, да ещё и вооружённым! – воскликнул он, уже обращаясь к самому себе.

Странное знакомство озадачило его и разрушило все версии развития ситуации. Теперь можно было предполагать вообще что угодно, но только не относящееся к реальности. С обескураженным видом он посмотрел на скупой суточный паёк: «Одно понятно – с голоду помереть не дадут, если, конечно, не предполагают отравить».

Но хлеб оказался свежим, а вода самой обыкновенной. Впрочем, ужин был очень даже кстати. Он был изрядно голоден, а голод, как известно, не тётка и, находясь в подобном положении, задумываться о гастрономических предпочтениях не имело смысла. Даже более того, ужин оказался вполне соответствующим общей атмосфере, подчёркивая статус узника. Если это действительно было задумано по сценарию, то иного и не могло быть. Другое дело временной фактор. Сколько должно было продолжиться это заточение, а главное, что должно было стать итогом?

«Хорошо, предположим, я сейчас находился бы дома, – продолжал размышлять он, ища альтернативу своему положению, – нет-нет, это было бы слишком рискованно. Значит, мне пришлось бы искать какое-нибудь временное убежище. Но и оно, конечно же, не спасло бы. Рано или поздно меня найдут. Тогда с кем я собрался играть в эти прятки? Это точно не мои кредиторы. Они лишь коллекторы в цепи причинно-следственных связей. Они и сами участники игры, правила которой написаны самим городом. Прятаться в городе от города – абсурд. Ведь это ему, городу, нужны мои деньги, он и придуман, чтобы превратить человека в кошелёк. Его каменные объятия слишком тесны. К тому же город хитёр – у него всегда найдётся наживка, чтобы выманить обывателя на улицу. Город, словно угодливый коммерсант, готов удовлетворить самое потаённое желание. В его большом супермаркете довольно товаров и услуг на любой вкус. Не беда, если не хватает наличности, на кассе обязательно предложат чудо-кредитку, и ваша жизнь тут же превратится в чудо. Чем не сказка! Здесь на самом деле вершится магия. Вот в руке монетка, и через миг вместо неё вещь. Магия в чистом

виде! Но фокус заключается в секрете происхождения той самой, исчезнувшей из ваших рук, монетки. Странно ещё и то, что её всегда почему-то не хватает. Вот что интересно: выходя из этого чудо-центра торговли, кто здесь всё-таки теряет, а кто приобретает? Кто тот великий факир, что в высокой степени владеет техникой фокуса и бережёт от нас свою великую тайну разоблачения этой техники? Издревле мы привыкли друг другу доверять. Доверять по-русски – верить от души. Но однажды наше русское «доверять» сменилось на «*credere*»⁸, которое затем незаметно стало ненавязчивым «*creditum*»⁹. Вроде ничего страшного, но отчего-то вдруг изменилась вся наша жизнь. Мы стали доверять друг другу через кошелёк. Нас искусно приучили к жизни в кредит, а кредит стал жизнью. Жизнь – кредит, кредит – жизнь! Что за странный каламбур – абсурдная форма бытия:

Потребляет потребитель
потребительскую жизнь.
Потреблялства он любитель
Жизнь потребную под – шизь!

Не таким ли содержанием наполнил наш таинственный маг эту иллюзорную форму?

Обывательская беспечность и жадность не ведают предела, и вот уже город переработал человека в потребителя. В свою очередь, он тоже потребил человека. Всякий раз он стремится приласкать, прикормить его, а затем выжать досуха, словно половую тряпку. Наши мысли и действия должны превратиться в привычки животных, в инстинкты, основанные на естественных потребностях. Высшим благом стали чувственные наслаждения, и они должны быть оплачены по счетам. Дух соперничества овладел нашей ментальностью. Соперник – это уже не человек, он враг, который покушается на часть моих наслаждений, выраженных в зарплате. В соперничестве живёт зависть и жадность, питательная среда пороков, а душа пропадает. В нём наши тела обретают массу и вес. Чем они выше, тем выше социальный статус тела. Жизнь становится всего лишь частью ньютоновского физического, инерционного взаимодействия. Энергия больших масс устанавливает правила для существования меньших. Начинается игра. Все мы в одной большой игре! – поймал он себя на мысли. – Да, конечно, там постоянно идёт игра. Игра в жизнь. Но разве не то же самое происходит здесь, сейчас, только в ограниченном этими стенами пространстве? Значит, всё, что со мной происходило там, ничем не отличается от того, что есть здесь. Я в игре, значит, моя жизнь продолжается. Не важно, что другие актёры, обстановка, еда – всё это не важно, когда продолжается она, игра. Что ж, я в игре, и я могу наслаждаться, даже здесь, тем, что она есть... Тем, что она ещё может мне дать».

Сквозь решётку окна вдруг мигнула ему своим далёким и приветливым взглядом, вечерняя звезда.

– Всё не так уж плохо! – вторила она ему.

«Дело к ночи, – подумал он, – но совершенно не хочется спать. Надо искать себе какое-нибудь занятие».

Он решительно ничего не понимал, да и не хотел уже что-либо понимать, так как это было совершенно бесполезно. Но становилось очевидным, что надо было искать для себя занятие, иначе трудно было совладать с тугим течением времени, превращающим его мозги в кашу всякой околесицы.

«Если эта неизвестность затянется, не исключено и сумасшествие», – констатировал он. Но дела не находилось. Пока же он принялся подробнее осматривать окружающую обста-

⁸ Доверять (латынь).

⁹ Кредит. Заём (латынь).

новку. Очередная проверка надёжности противопобеговой системы этой «мышеловки» не дала результатов – всё было надёжно.

Он подошёл к решётке, схватился широко расставленными руками за её массивные прутья и уставился в темноту коридора.

Тьма подмигнула ему своими бездонно-чёрными глазами. Они смотрели друг на друга и не решались вступить в диалог.

«Насколько глубока и загадочна она, – начал он первым, – нас убеждают, что там непременно таятся страх и зло. Кто-то придумал, что чёрное это зло, белое – добро. Можно точно сказать – это был не художник. Если нет света, значит ли это, что ничего вокруг нет?»

Много раз он поднимал голову к темнеющему с последними лучами солнца небу и видел, как на тёмном холсте тусклыми огоньками зажигались первые звёзды. И чем темнее становился горизонт, тем ярче они переливались, соперничая друг с другом в красоте. Потом появлялась и Луна – загадочное, мистическое светило, всегда восходит своей царственной походкой по блестящим чёрным глянцем ступеням ночи из ниоткуда и уходит в никуда. Но, лишь появившись и заняв своё место среди хоровода звёзд, она заливает своим нежно-матовым светом, словно софит, небо и Землю – начинается ночная феерия. Только благодаря тьме мы видим свет звёзд, их проявление бытия, их желание быть видимыми.

«И где же там зло? Да нет там никакого зла – там жизнь, просто не проявленная светом жизнь, а она злом не может быть, иначе ничего не имело бы смысла. Тьма пугает своей неизвестностью? Это не неизвестность, это – загадочность. Она будит в невежестве страх, но в благодати она рождает фантазию. К первому она непременно пришлёт дикого, неведомого, внушающего ужас зверя или вампира. Второму она явит прекрасного белого лебедя или танец молодой богини. Нет, тьма красива, глубока и прекрасна, она сестра света, вечный партнёр в магическом обряде дня и ночи».

Только ночь закончит свой таинственный обряд, и снова нет ничего. Посмотрите – в бездне ночи, как в тёмном ящике факира, исчезает всё, чтобы днём явиться вновь. Но только зоркий взгляд заметит, как изменится порядок вещей...

В один момент ему показалось, что тьма, подобно закону сообщающихся сосудов, заполнила его внутреннее состояние. Но вскоре он понял и другое – она есть отражение его сознания. Этот тёмный, не ведомый ему мир вдруг нашёл своё проявление и, несмотря на его непроглядность, в нём существовала жизнь.

«В темноте нет пустоты, она всегда заполнена жизнью. Неведомая, непроявленная, неизвестная жизнь. Она не подвластна нам лишь из-за того, что мы о ней ничего не знаем. Отсутствие знания – вот причина страха. Непознанное страшно отсутствием о нём чувственной информации. Ведь тьму нельзя ни увидеть, ни услышать, ни осязать, ни вдохнуть. Она не информативна – она дремуча».

Образ дремучего леса произвольно всплыл в памяти на поверхность, а к нему в качестве эпиграфа добавилось:

Земную жизнь, пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины...

«Вот и мысли рождаются тоже дремучие, не дают мне покоя, – подумал он, – видимо, и сам я дремучий человек. Но тогда и все остальные, кто окружает меня, тоже дремучие, мы же находимся в общем взаимодействии. „Я есть то, с кем общаюсь“, – так говорили древние, и они были правы. – „С кем поведёшься, от того и наберёшься“, – учили родители. Вот и повёлся, да и набрался, что теперь сижу, чёрт знает где... Есть о чём призадуматься...»

Осознание этой всеобщей дремучести немного оживило его. Логика – неизменный спутник всякого современного рационально мыслящего человека – требовала развить наметившуюся мысль, а чем ещё, как вы думаете, можно было заняться.

«Если все такие, значит, так и должно быть, значит, так надо. Так жить проще, когда все... Постой! – резко остановил он мысли, набравшие скорость, словно внезапно нажал на тормоза экспресса. – Если так надо, то кому? Кто выгодоприобретатель моей дремучести? Не думаю, что это надо мне самому. Наша «элита» часто подчёркивает, что народ наш тёмный и дремуч! Даже, помнится, целое движение народничества было с целью просвещения этого народа. И что получилось? А что если он вовсе не дремуч? Что если все они понимают дремучесть народа совсем не так? Дремучий, это ведь совсем не значит «тупой», которому надо делать прививку знаний. Может, такой учитель сам глуп, а его прививка вредна для организма? Народ – могучее, вселенское древо, где отдельный человек – это его нераздельная часть. У него есть и корни, и ствол, и ветви с листьями, оно знает: то, что внизу, и что наверху, всё едино. Как можно привить знание древу, которое само и есть знание? Пожалуй, наоборот, к нему можно присосаться и пользоваться его благом. Нет. Дремучий вовсе не значит глупый. Дремучий – значит дремлющий, спящий чутким сном. «В дрёме чудится, во снах видится» – вспомнилась поговорка. – Это просто состояние особого сна. Это жизнь некоего леса, в котором «чудится, кажется, мерещится». Леса – полусна, забытья, забвения, дремоты. Он дремучий, сумрачный, таинственный, возможно, условный, но вполне правдоподобный. В нём живут дремучие люди, которые общаются с дремучими медведями, волками и лисами. Там вершится таинственный обряд, инициация, по сценарию волшебной сказки. Нет там места чужакам и лишним персонажам.

Со стороны покажется, что в этом спящем лесе-доме можно и поселиться, пока летаргический сон поглотил его хозяев. Можно добавить дополнительно наркоза и похозяйничать подольше: – «Да может, они уже и померли, и надо готовить погост?» – начнут спор «новые хозяева». Но неведомо таким поселенцам, что происходит в действительности. Неведомо, что их ждёт. Символ «временной смерти» – обряд посвящения, за которым следует рождение нового качества. Это непереносимый этап в жизни каждого. Дрёма пройдёт, наступит пора труда. Что увидит проснувшийся народ?»

От этих мыслей его отвлекло, едва заметное глазу, движение какой-то размытой тени. Будто на чёрном фоне прохода проявился ещё более тёмный силуэт человека в плаще и накинутом капюшоне.

– Ну вот, я так и думал, – там есть некто, пытающийся проявить своё существование.

Ему показалось, что за краем мантии блеснул тонкий, серповидный контур лица.

– Эй, кто там! – крикнул он в самую гущу темноты, в надежде на ответ. – Я знаю, что вы наблюдаете за мной, отзовитесь! Нет смысла прятаться, я вижу вас...

Я вижу вас, я вижу вас, – отозвались стены лёгким эхо, и глухая тишина вновь сковала все звуки. Не было и намёка на чьи либо шорохи, шаги, дыхание и даже биение сердца.

– Неужели обознался? – с сожалением бросил он в пустоту.

Но чувства его были максимально обострены и говорили об одном – сомнений нет, он здесь не один. Однако силуэт так же внезапно исчез, как и появился.

«Кто это может быть? – снова включилось его воображение. – Человек, призрак или дух? Вполне возможно, что это умершая душа не может найти выхода и просит помощи». Он слышал о таких случаях, видел в набравших в последнее время популярность различных передачах и читал в эзотерической литературе. Эта информация настолько наводнила повседневную жизнь, что уже являлась её обыденным атрибутом. Каждый волен решать для себя существует ли что-либо потустороннее в действительности или нет. Если же верить нашей старине то с человеком всегда рядом сожительствует непознанное и в это не только надо верить или нет, но и натуральным образом выстраивать отношения. Понятие жизни для наших предков уже само по себе включало в свою орбиту прямое общение с умершими, духами, лешими,

водяными, русалками, ну и, конечно же, домовыми. Как вообще можно было обойтись без него? Кто предупредит о грядущей напасти, кто подскажет, какой масти надо покупать лошадь, как выбрать корову, чтобы водились они по долгу. Если говорят, что скотина «не ко двору», то это значит, что её не взлюбил капризник «дворовый хозяин». Точно знали люди, что добрый домовый всегда им в помощь. Охотнее всего он стремиться предупреждать о несчастьях, чтобы умелые хозяева могли успеть подготовиться к встрече и отвлечь от себя напасти заблаговременно. Догадливые люди в таких случаях и без слов разумеют те знаки, которые он подаёт: если слышится его плачь, то быть вскоре покойнику; у трубы на крыше заиграет ветер – будет суд из-за какого-нибудь дела и обиды; подёргает за волосы – остерегайся жена, не спорь с мужем, не грызись с ним, – отмалчивайся, а то верно прильёт и очень больно; загремит домовый в поставцах посудой – осторожно обращайся с огнём; плачет и охает домовый – к горю, а к радостям скачет, песни играет, смеётся. Сам он только однажды столкнулся с подобным явлением, но и на основе его не стал бы утверждать о существовании явлений, выходящих за пределы физического объяснения.

Этот занятный случай произошёл в его квартире во время одной из вечеринок, которыми так богата молодость. Застолье проходит в пустых разговорах – никто никогда не знает, о чём пойдёт речь после паузы на закуску. Обычно тема меняется совершенно спонтанно, в зависимости от количества выпитого, но тогда был, затронут вопрос о потустороннем. Чего не обсудишь в вечерней компании? В частности, существует ли домовый? Никто из присутствующих не смог поделиться практическим опытом подобного контакта, поэтому весёлые шутки и приколы, порой оскорбительные для предмета разговора, сыпались со всех сторон. Ужасный грохот падающей на кухне посуды вдруг оборвал это хмельное веселье и тут же утопил в тишине испуга всю атмосферу беззаботности. Гости обменивались растерянными взглядами, потом, не сговариваясь, стали и устремились на кухню. На полу беспорядочно валялись ложки, вилки и кастрюля, до этого находившиеся на столе. Но данный инцидент несколько не озадачил весельчаков, наоборот, все совершенно обрадовались, что нечто всё-таки существует ко всеобщему удовольствию, и стали вспоминать, что же необходимо делать для задабривания домового. Не приходя к единому мнению, в ход пошло: молоко, печенье, конфеты, каша... и даже для ста грамм нашлось место. В общем, всё, что было в наличии, оказалось расставленным на кухонном подоконнике, и вечер продолжился своим чередом. А на утро, действительно – всё исчезло. Что это было, так и осталось загадкой, но сам факт наличия сверхъестественного остался в памяти каждого.

Однако в данном случае это было нечто другое и добавило ещё больше вопросов к его незавидному положению вынужденного узника.

– Может быть это прекрасная незнакомка, – принялся он создавать загадочный образ юной, томящейся в ожидании прекрасного принца, девы. – Может именно здесь, – с иронией и усмешкой продолжил он, – я встречу ту, которая изменит всю мою дальнейшую жизнь, и моё сердце, наконец, познает это неведомое, но такое желанное чувство любви. Ведь всякий человек по своей природе должен любить, возможно, это и есть единственное средство избежать однообразия и серости жизни.

Да она действительно была такой, его наполненная какими-то похотливыми желаниями жизнь. Он осознавал, что время безвозвратно уносит своим потоком в прошлое, казалось, ничего не замечающую вокруг, молодость. А всё же порой, где-то глубоко внутри, нечто неведомое отзывалось редким отголоском тоски одиночества, и пыталось говорить с ним на каком-то незнакомом для него языке. В такие минуты он чувствовал, как душит его неотразимой силы странный прилив «отвращения к жизни», отчего иногда просто хотелось рыдать. Но всякий раз эти позывы «малодушия» тонули в море страсти и удовольствий, которыми щедро одаривала жизнь, и от которых трудно было отказаться. Ведь всякая тварь в этом мире хочет любви. Разве человек не есть то самое существо, что и приходит в него ради этой самой любви? Порой

ему приходила мысль, что он просто боится любить, и тогда чувства неодолимого презрения к самому себе терзали нутро. И он жалел себя за то, что жизнь так безжалостна к нему, и он вынужден стать её рабом и следовать за ней, и что она бесовестно выжимает из него по капле нечто ценное, оставляя внутри лишь пугающую пустоту.

– Почему в этих стенах мир мне кажется иным? Там, дома, я ни за что бы, ни стал думать о тех вещах, что так ярко проявляют себя здесь. Как может это дикое, по мнению цивилизованного человека, место заглядывать в глубины моего сознания?

Он чувствовал внутри себя ещё одно «я», и оно пыталось говорить с ним, но не применяя слов, а языком воображения. Оно было странным и не похожим на него – городского и бесшабашного парня, привыкшего не брать в голову лишнего, а просто плыть по течению жизни. Это «я» смотрело на мир таким образом, что было безразлично к его злоключениям или, наоборот, приключениям, в чём первое «я» ещё не разобралось. Оно смотрело на эти стены и решётку просто как на декорации спектакля. Вот, сейчас, придут монтировщики сцены и унесут этот картонный реквизит вместе со всеми его страхами. Зал разразится аплодисментами невидимых зрителей, и он ответит им благодарным поклоном. До того это было ясно и понятно, что это самоуверенное первое «я» просто смеялось над ним, потому что он не мог понять этой простой вещи раньше.

Он решительно подошёл к одной из стен и, словно Буратино, проткнувший своим носом холст папы Карло, не задумываясь, изо всей силы ткнул в неё своим пальцем.

Дикий вопль раненого зверя пронёсся по коридору. Нестерпимая боль вернула его в реальность.

– А-а-а! Чёрт побери! – схватился он за палец, в котором, как в гидравлическом амортизаторе, пульсировала кровь. – Это ж надо! Что за идиот?! – в голове каруселью помчался набор матерных слов.

Он бегал по клетке из стороны в сторону, держась другой рукой за палец. Хотелось с разбегу забежать на потолок и там отбить чечётку.

– Что на меня нашло? – отзывалось в голове. – Я точно схожу с ума. Дурдом какой-то. Нормальный человек не может додуматься до такого безрассудства.

Через несколько минут он всё же немного успокоился и сел в углу, будто нашкодивший мальчишка. Палец сильно опух, но, кажется, перелома не было. Чувство глубокой обиды нахлынуло, захватив власть во всём его существовании, и усилило угнетённое состояние. Из глаз непроизвольно текли слёзы. Через некоторое время рациональное мышление снова вернуло его в реальность.

«Если я так сильно орал, и никто не пришёл на помощь, значит, всё-таки здесь что-то не то, – резюмировал он. – Странное, очень странное место, странная атмосфера, странные мысли. Всего лишь первый день я здесь, а уже столько событий. Первый день! – поймал он сам себя на этой мысли. – Значит, я уже автоматически запрограммирован на долгое пребывание в этих стенах? Нет, пожалуй, с меня хватит. Надо прояснить, что здесь, собственно, происходит. Если я случайный участник этого, предназначенного для другого, „приключения“, то пора открыть карты. Пусть меня вернут в мой прежний мир, даже если это будет для меня не совсем приятно. Там, по крайней мере, понятна моя роль, пусть даже и незавидная, но моя собственная».

Очевидно, уже было очень поздно. Усталость, не столько физическая, сколько эмоциональная, давала о себе знать. В любом случае надо было устраивать ночлег.

Он посмотрел равнодушным взглядом на свою постель и вздохнул. Солома была достаточно свежа и слегка отдавала незнакомым для него, но приятным ароматом поля.

«Видимо, недавно поменяли постельку», – позлорадствовал он сам на себя.

Попытка взбить эту «перину» принесла визуальный эффект относительного комфорта, но не добавила особого оптимизма. Хотелось и в этом мрачном месте ощутить немного домашнего уюта.

«Много ли человеку надо? Наверное, нет. Достаточно дать немного тепла, заботы, ласки – и ты уже счастлив. Эти невещественные понятия не надо покупать, они даны нам с рождения», – философски подумал он.

Вдруг вспомнилось детство, родители, которые старались обеспечить ему эти условия. Конечно, он не мог помнить себя грудным ребёнком и свою кроватку, где жили сладкие сны детства. Какая она была? Впрочем, это совершенно неважно, была она хороша или плоха. Ему казалось, что если бы его точно так же, как в детстве, сейчас уложили на эту солому, то он испытал бы не меньшее блаженство.

«С возрастом, – думал он, – что-то происходит, и мы бесследно теряем эти бесценные воспоминания. Ходим по мебельным салонам в поисках роскошного ложа, способного ублажать выросшее тело. Мягкость подушек, упругость матраса, тёплое одеяло и секс приходят на смену вечных истин. Комфорт ложа создаёт неправильное представление о настоящей любви. Куда она исчезает вместе с детством? Наверное, она должна перейти в новое качество, продолжаясь в новой семье. Теперь мой черёд дарить любовь. Но знаю ли я, что это такое теперь? Любовь к еде, комфорту, красивой жизни и женщине – это понятно. Но та любовь родителей, которая была в детстве, не относилась к моему телу, я чувствовал её по-иному. Значит, то была другая любовь?»

Странно, оказывается, есть разные виды любви. Ну, конечно, сколько раз я говорил девочкам, что люблю. И любил же!! Целую ночь порой не спал и любил, любил... Она же постоянно спрашивает: «Ну, скажи, любишь меня? Скажи мне на ушко!» Да что за проблема: «Люблю, конечно. Давай быстрее раздевайся!»

Взрослая любовь, она, определённо, другая. Вот, например, Наташа Ростова говорила, что любит князя Андрея. И на тебе, потянуло на Курагина! Или Анна Каренина? Где тут любовь? Кого мы любим, или что мы любим в человеке? Сложный это вопрос – любовь.

Даже наука не осталась в стороне. Как выяснилось, всё гораздо проще: любовь – это химические процессы мозга. Пожалуй, это всех и удовлетворило, и от любви до ненависти оказался один шаг. Проявления любви многообразны. Фингал на лице супруги, он ведь тоже от большой любви?»

И всё же родительская любовь давала наиболее цельное понятие о любви. Её нельзя было сравнить с чем-нибудь другим, она оставляла в памяти чувства, которые своим постоянством, глубиной, искренностью, добром и ощущением счастья, не оставляли сомнений, что она была истинной и верной. Постепенно мысль о детстве привела его в состояние безмятежного спокойствия. Казалось, он теперь опять в детстве. Мягкие и нежные руки матери коснулись его головы. Веки сомкнулись, и сон увлёк его в иные миры...

ЯВЬ ИЛИ СОН, СОН ИЛИ ЯВЬ

*Наше подлинное «Я» воспринимает всё – как во сне, так и наяву.
«Катха Упанишада»*

Сон – великая вещь для человека, даже надо добавить: великая и загадочная. Как мы бываем впечатлены снами, когда их сюжет остаётся в памяти после пробуждения. Сколько наука ни бьётся, дальше объяснения сна как проявления циркадных ритмов не идёт. Прорицатели и жрецы искали в нём разгадку будущего, Аристотель считал его половиной пути, пройденного к смерти, а мифы посылают человека в сновидениях к высшим существам с целью общения. Сон сделал Менделеева – Д. И. Менделеевым, а Фрейд – З. Фрейдом. О снах существуют тысячи трактатов, теорий и гипотез, но как не крути, а во сне мы проводим треть своей жизни и даже не замечаем этого. Старик находит там своё упокоение от тяжких трудов, а ребёнок становится взрослей. Не проще ли сказать, что сон – это тоже жизнь, которая протекает в параллельной реальности. Порой мы озадачены поставленными в сновидениях вопросами и ищем их связь с реальностью. Нет ныне тех мудрецов, что открыли бы скрытые в них образы и смыслы. Оттого и мнительны мы в отношении, как может часто показаться, жуткого сна. Какие таинственные силы общаются с нами, живущими в этом мире, подобным образом? Может, мы для них просто двери, через которые они стремятся проникнуть сюда, к нам? Кто, засыпая, путешествует в дальних мирах, и какой опыт извлекает из этих странствий? Люди уже мало обращают внимания на эти вопросы. В повседневных заботах человек оставляет эту часть жизни без внимания. Лишь немногие продолжают искать тайный смысл второй жизни, пытаясь разгадать, какие подсказки дают высшие силы.

Но более всех благодарны за этот дар природы литераторы. Иллюзии и иррациональность снов позволяют им поместить героя в невероятные и неожиданные условия, повернуть сюжет удобным образом. Вот где простор для разгулявшегося воображения, возможность стереть грань между фантазией и реальностью! Соблазн приготовить сладкую пилюлю сюрреализма, или другого «—изма», – прекрасный способ увлечь разум читателя в лабиринт сладких иллюзий и неразрешимых загадок. Стоит открыть двери подсознания, как на человека тут же обрушится водопад не привычной для него информации, возбуждая прилив новых эмоций. Туда зовёт его художник, но готов ли он к этому? На страже стоит критическое мышление, которое непременно своей железной логикой вернёт фокус внимания к идее потери его контроля со стороны общепринятых норм и стереотипов. Вот и вышло у нас, что сон – это не сон, а про не сон, что это пересон, а пересон – не сон... Короче, никто не разберёт, что это такое. Да и зачем ему это, человеку? Ведь можно спрятать реальность во множественности отражений чувственных восприятий, наслаждаться телевизионными грёзами, телевидением – этим чудом прогресса цивилизации, основоположником современного шизореализма.

Чем является человек на самом деле, когда спит? Если бы не его дыхание, вполне можно предположить его смерть. Недаром древние думали, что умерший тоже спит, и оставляли его в укромном месте в надежде на скорое пробуждение. Может быть, они были правы? В любом случае, мы обязательно проснёмся, что от сна, что от смерти, мериллом здесь выступает только время. Когда мы вновь рождаемся, трудно определить, сколько длился сон смерти, но и глубокий сон тоже не имеет однозначной продолжительности, если забыть про часы. Вспомним, как боялся этого естественного состояния человека Николай Васильевич – до паранойи, завещая тело своё не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Обоснованно ли? Кто может достоверно сказать, что он заблуждался? Нет, сон, определённо, замечателен и необходим. Тем более для тех, кто готов сопровождать нашего героя далее и с интере-

сом заглянуть в его рассказанный для нас сон. Только не забудьте определиться: что лично для вас сон – бесполезная иллюзия или жизнь?

* * *

Яркий, направленный в лицо свет ослепил его и заставил зажмуриться. Привыкнув к нему, он, наконец, смог оглядеться. Комната, в которой он оказался, была довольно просторна. Набело выкрашенные стены и кафельный пол придавали ей сходство с хирургической палатой. Сам он, полуодетый, сидел на большом крепком стуле в центре комнаты. Руки и ноги были крепко привязаны к стулу при помощи специальных ремней. Вдоль стен были расставлены стеклянные шкафы, наполненные различными, как ему показалось, медицинскими инструментами. По углам стояли необычного вида приборы.

Всё это было весьма подозрительно и не предвещало ничего хорошего. «Будут пытать?!» – промелькнула ужасная мысль. Мертвецкий холод овладел всеми членами его тела и сковал их невидимыми оковами.

«Как это возможно?!» – мысли, одна другой страшнее, метались в голове. Вообразить подобное, он не мог ни при каких обстоятельствах. – «Где я и что происходит? Этого не может быть, потому то не может быть в принципе. И даже если я сплю, всё равно этого не может быть! Такой бред невозможно представить, даже в моём непредсказуемом воображении. Это что, меня на самом деле собираются пытать?»

– Вы близки к истине! – чуть ли не радостно воскликнул вошедший в единственную дверь комнаты, находящейся прямо напротив него, человек. Он был высокого роста, крепко сложен, одет, точно как монах доминиканского Ордена, в руках держал чётки.

– Какая прелесть! Всё уже готово к экзекуции. Можно бы и приступить, – обратился странный монах к вошедшему следом такому же странному типу.

– Пожалуй, да, – последовал утвердительный ответ. – Хотя, я не уверен в готовности самого клиента, – заметил второй. Он был меньше ростом, худой, с круглыми очками старинной формы на носу и одет в белый халат, какой обычно носят врачи.

– Что вы несёте! – заорал, не выдержав, наш герой и начал всеми силами пытаться освободиться. – Кто вы такие? Что происходит, и откуда вы знаете, о чём я думал, когда вы вошли?

– Тихо, тихо! Не трепыхайтесь! Экий нервный, наверное, придётся повозиться, – сказал монах, не торопясь давать ответ на серию криком заданных вопросов. Затем с интонацией обиды в голосе ответил:

– Как же? Мы коллекторы, поэтому всё про всех знаем. Разве вы исключение?

– А-а-а! Так вы из тех, кто за мной гнался? – смутился он.

– Догадливый, – обрадовался доктор, – уже хорошо!

– Но я же от вас убежал?!

– Экий стригунок! – насмешливо произнёс монах и кивнул доктору. – От нас не убежишь, не родились ещё такие. Впрочем, бегаешь ты неплохо. Спортсмен, наверное, или от страха пятки сверкали?

– Нет. Этого всего нет, – сделав небольшую паузу, утвердительно сказал он. – Всё это происходит во сне, и ко мне, настоящему, не имеет никакого отношения.

– Вот и молодец, – подхватил доктор, – вот и умничка! Конечно же, это сон, так что волноваться не о чем. Вы можете продолжать спать, а мы займёмся своим делом.

– Каким своим делом? – удивился и в то же время насторожился он.

– Нет, он решительно, какой-то странный, но определённо мне нравится. А кредит, голубчик, кредит-то кто отдавать будет?!

– Какой, к чёрту, кредит!? – опять повысил он голос. – Во-первых, я от вас убежал, а во-вторых, это сон, а во сне кредитов не бывает!

– Ну вот, – сказал монах, – и этот чёрта вспомнил, потом и до Дьявола дело дойдёт. Я же тебе говорил, – обратился он к своему спутнику, – все людишки одинаковы.

– А в-третьих, молодой человек, – передразнил его доктор, – не будьте мальчишкой, это совершенно всё равно, где вы находитесь. Был договор, был уговор, и посему кредит надо отдавать в любом случае, где бы вы ни находились.

«Ну, хорошо. Пусть так, – подумал он и предположил, что, так как находится во сне, то наверняка сильно опасаться нечего».

– Но у меня же с собой ничего нет, вы же видите, я практически голый, – заметил он вслух.

– О, это пусть вас не беспокоит. Всё что нам нужно, у вас всегда с собой, – успокоил его монах, перебирая в руках чётки. – Уж поверьте дипломированному специалисту на слово.

– Что же у меня такое есть с собой, что может возместить мой долг? – с удивлением произнёс он и на всякий случай попытался оглядеть себя

– Вот видите, вы даже и не знаете, что у вас есть нечто ценное, по крайней мере, для нас, что оплатит все долги с лихвой. Значит, и отдавать это будет совершенно не затруднительно и не жалко, – примиряюще произнёс доктор. – Похоже, в таком случае, мы можем разойтись полюбовно, без лишних объяснений.

– Ну, уж нет! Объяснения как раз и потребуются, потому что я вас не понимаю. – Голос выдавал в нём заметную нервозность.

– Что ж тут не понятного, – ухмыльнулся доктор, – брать берёте, а отдавать не хотите?

– Нет, так дело не пойдёт. Кредит я действительно брал. Так? – решил он хоть каким-нибудь способом прояснить обстановку.

– Ну, так, – утвердительно кивнул головой монах.

– Значит, и отдавать я его должен наяву, а не во сне, – как ему казалось, сделал он логическое заключение.

– Ха-ха... Хитёр ты, братец, – бросил монах.

– А чем отличается явь от сна? Ты что, наяву один, а во сне другой? Там, быстроногий ты наш, тебе удалось смыться, – заметил доктор, – ты это был или не ты?

– Ну, я.

– А здесь, пойманный, сидишь ты или не ты?

– Похоже, что я.

– Ну вот! Значит, никакой разницы нет? Верно?

– Нет, не верно, – чувствуя какой-то подвох, произнёс он.

«Что-то здесь не то. Если это сон, то я могу проснуться и избавиться от этих неприятных типов. Во сне отсутствует смысл, разумное отражение действительности. И потом, слишком логически они мыслят и говорят, а сон иррационален, в нём нет места для разумного объяснения», – попытался рассуждать он про себя.

– Никакие мы не неприятные типы, – обиженно произнёс монах, – мы просто исполняем свою работу. И перестаньте уже выкручиваться. Да и логика здесь совершенно не к месту, не стоит цепляться за то, что не отражает сути. А то, что вы сейчас спите, это логично? Логика, к вашему сведению, применима только к нематериальным вещам, если вы об этом. Основная её цель – исследование того, как из одних утверждений можно выводить другие. Она слепа в конкретном содержании. Возьмите хотя бы математику. Дважды два – вот вся ваша логика, но, к сожалению, даже это вы плохо усвоили. Вот сколько и чего, по-вашему, будет, если два яблока умножить на две груши?

– Я, кажется, понял! Всё это часть меня, а вы плод моего воображения, – произнёс он, не обращая внимания на эти заумные рассуждения. – Вот почему вам известны мои мысли. Значит, я сам могу избавиться себя от этого кошмара. Стоит только придумать план спасения и изменить сон.

– Спасения? А какого спасения вы желаете – от кого или от чего? – с удивлением спросил монах. – Мне кажется, вам уже предлагали нечто, и очень давно, и совсем недавно. Разве не предлагал вам этого сам Спаситель? Но странными показались вам его речи, не от мира сего был... А скольких после него к вам послали? Всё без толку! То замучаете, то сумасшедшим объявите, а то и просто засмеёте. Впрочем, вам повезло. Это можно сделать прямо сейчас. По сходной, как вы любите, цене, а если поторгуетесь, то ещё и со скидкой. Мы помогаем человеку избавиться от излишних проблем, так сказать: тоже спасаем.

– К чему это вы меня так туманно, склоняете? – настороженно спросил он.

– Ну, хватит уже валять дурака! Душу отдайте! Просто отдайте вашу душу, и всё! – недовольно выпалил монах.

– Как душу?! Какую душу?! – с ужасом воскликнул он.

– Да не пугайтесь так, – успокоил тот. – Это, в общем, пустяки, о которых вы потом и не вспомните. «Какую душу!» Как неожиданно вы отреагировали. А скажите, почему вы так эмоционально это сделали? – спросил монах и, не дожидаясь ответа, сам же ответил: – да потому, что вы не представляете, что это такое. Если бы мы не заговорили о ней, вы бы и не подумали, что у вас есть душа... Ведь верно? Речь идёт именно о ней, неизвестной для вас субстанции. Вам она, собственно, ни к чему, так как вы не знаете, что с ней делать, а нам она очень даже понадобится.

– Ну, это вы бросьте! Если у меня, по вашим же словам, есть нечто бесценное, то с какой радости я отдам это за какие-то бумажки. Если я что-то и должен, то пусть это решает суд.

– Суд! Ваш честный и гуманный суд!! – рассмеялись они оба.

– О каком суде вы сейчас изволили упомянуть? Не о гражданском ли? – заметил с насмешкой монах. – Подумать только! – Он подошёл поближе и, глядя в упор, издевательски добавил: – Нет, не о гражданском, а определённо об уголовном. – Тут он повернулся к доктору, и они оба громкогласно расхохотались.

– Вы хотите встретиться с нами в вашем суде? – наконец успокоившись, продолжил монах. – Ну неужели вы думаете, что мы можем с вами там встретиться? Вы, дорогой наш, верно, не в своём уме, если думаете найти там справедливость. В ваших законах и слов таких нет: справедливость, совесть, истина, душа... Вы ведь чего драпанули? Не оттого ли, что не верите в людское правосудие? Да будет вам известно, настоящий суд встречается только дважды: здесь (он направил палец в пол), и там (поднял указательный палец вверх). К тому же вы не поняли – мы совсем не имеем в виду ваш денежный долг. Ваши бумажки ценны только для типов, подобных вам. Настоящая ценность – это ваша душа, и вы её нам отдадите, поскольку очень задолжали.

– Что же я ещё мог задолжать, – пробормотал он сквозь пелену страха, – если не деньги, и, главное, кому?

– Да очень просто! Жизнь ваша слишком примитивна: всё по кабакам да по бабам... Извините за грубость. Не подобает это человеку. Жажда денег лежит в основе вашего настоящего. Время...

Всё дело во времени. Как вы там говорите: «Время – деньги!», не понимая ничего ни об одном, ни о другом. Между тем тратить время на получение денег – полная бессмыслица. Секунда не может стать копеечкой. Секунда – это категория жизни. Деньги превратили вас в человеко-часы. Человеко-осёл всегда будет бежать за псевдоморковкой, пока не поймет, кто её держит. Вы постоянно будете гнаться за деньгами, пока не узнаете, кто их даёт, и главное – с какой целью.

Если бы вы хоть немного представляли, как ошибаетесь! «Время – деньги!» Это значит, что время и есть настоящие деньги. Секунды, минуты – это «денежное» выражение периода жизни. Ваш собственный труд, если, конечно, вы не продали его кому-то, и есть средство получения в награду дополнительного времени для жизни. Настоящий труд оплачивается

временем для жизни, работа – деньгами. К сожалению, вы не стремитесь к познанию очевидных истин. Жизнь свою вы измеряете рублями, а не временем. Каждый хочет быть значимым именно через их эквивалент. Ну разве не хочет человек выразить всем своим существом цену своей жизни? Разве не стремится оставить потомкам память о себе в виде наследства? В самом деле, почему бы вам не выбивать на ваших надгробьях напротив прожитых календарных дат ещё одну блистательную надпись: «Прожил 10 или, допустим, 100 миллионов рублей». Согласитесь, – заметил он, – это было бы весьма показательно и означало бы, что жизнь прожита счастливо! Посмотрят на такую могилу, и всем ясно и понятно – там лежит всеми уважаемое, правда, уже обглоданное низшими формами жизни, тело. Не правда ли, что так было бы справедливее, да, наверное, и романтичнее. Но всё несколько иначе. Каждому в начале человеческой жизни часть времени даётся в кредит, дальше его надо зарабатывать самостоятельно, и ваш кредит времени истёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.